

КЛИНКИ И КАРАБИНЫ

ДМИТРИЙ
МАНАСЫПОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Манасыпов

Клинки и карабины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56567100

SelfPub; 2020

Аннотация

Это сборник темного, героического и мистического фэнтези, боевой фантастики и альтернативной истории, постап-истерна с дизельпанком, созданный для знакомства с моим творчеством. Большой рассказ о Освальде, мастере меча и шпаги, нанятого Инквизицией для поиска ведьм, малефиков и чернокнижников. Рассказ о самом начале Братства цикла о чистильщиках пустошей. Рассказ о Войне, закончившейся нашей Победой, но позже и странностях нацистского проекта, курируемого Вернером фон Брауном и Анненэрбе. Рассказ о северных корсарах, о начале пути капитана Хайни Кишки-Вон Хорне, последнего своего рода. Рассказ о мире без нефти и солдатах, сражающихся в выжженных горах против чудовищ, сражающихся из-за апейрона, дающего жизнь. Рассказ о жителях обычного российского мегаполиса, живущих рядом со сгущающимся Мраком. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Мэдмакс (цикл «Чистильщики пустошей»)	4
Запретный лес (цикл «Охотник за головами»)	46
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Мэдмакс (цикл «Чистильщики пустошей»)

– Хочется жить? – Она провела черными острыми ногтями по рукаву, тут же расплзшемуся длинным разрезом. – А?

– Кому же не хочется-то? – Голова оставалась тяжелой, и жутко пересохло в горле.

– А не лез бы ко мне, все осталось бы как есть. Прожил бы себе долго и счастливо... возможно. Нашел бы себе бабу, завел бы детишек. Так нет, надо таким как ты обязательно пытаться жить другим.

– Я детей не ем. Наверное, поэтому ко мне и не лезет никто.

– Ну-ну... – движения было не уловить, тонкие и острые клыки щелкнули у уха, коснулись шеи рядом с пульсирующей под кожей кровью. – Страшно тебе, ой, да как сильно то...

Страшно? Очень. Особенно, когда рядом такая, как она. Смертельно опасная. Пахнущая чем-то сухим и резким. И кровью, ввевшейся в ее кожу, язык, губы и зубы. Сдается мне, что накаत्याющей паники могу даже и обоссаться.

Уловить ее движение в полутьме казалось практически нереальным. Даже такому засранцу, ошастливленному природой и геномом, как я. Узкие щелочки зрачков совершен-

но неуловимо оказались прямо перед моим лицом. Пахнуло густой смесью из её рта, и сдержался только из нежелания показать твари свою слабость. Сблевануть, в смысле.

– Что, охотничек... – она фыркнула. – Дорога тебе твоя жизнь, а?

Жизнь...

Жизнь пошла такая, что порой и жить-то не хотелось. То ли дело совсем недавно, казалось бы, живи да радуйся. Вроде, вот-вот, наконец-то, что-то стало налаживаться, люди вздохнули, стали создавать что-то заново. Кто отстроился так, как хотел, скотину завел, семьи росли как на дрожжах. Дети по двору, шум да гам, а старики, помнящие Полночь, наконец-то отдыхали. Кто-то даже начал работать на фабриках и заводах, в мастерских, которые потихоньку полегоньку стали появляться. И вот на тебе, все поменялось в плохую сторону, чуть ли не в одночасье. И сюрпризов в ней, в этой новой жизни, тех, что похуже, стало куда как больше чем еще с десятков лет назад.

Казалось бы – как такое возможно? А возможно, хоть и сдюжили, вытянули, смогли, скрипя зубами и стиснув их в жутчайших усилиях, что-то сохранить и восстановить. Но разве может беда являться в гости одна? Да ни за что, ни в коем случае. Одно, другое, третье. Прорывы эти, как нарывы на нищевроде, вновь вылезали не пойми откуда. Банды росли, как грибы после дождя. Народ в городах еще спокоен, а

вдоль трактов, в глуши, на выселках?

– Эй, землячок, куревом не богат?

Надо же, табак ему подавай.

– Нет.

– А что ты такой дерзкий, сосунок?

– Да стой ты, Леший...

– Дерзкий у тебя в штанах. А я просто уверенный.

– Леший! Это ж...

... х-р-р-р, ткань серых брюк вспухла топорщащимися нитками.

... п-ш-ш-ш, а это уже кровь.

– А-а-а!!! – а это, как не сложно догадаться, крик пострадавшего. А что, любезный, ты полагал, что все так просто? Да и друг тебя останавливал.

– На! – и товарищ, старательно мотающий рукав собственный рубашки вокруг бедра, ловко поймал золотой. Молодец.

Хозяин? Да, да, он начал ссору первым. Спасибо. Так все ж уже почти затерли, ну? Ну, и что, что кровь? Кровь... кровь не вода.

В человеческом теле около пяти литров крови. Возможно больше, возможно меньше, люди-то разные. Ну как, например, может быть одинаковое количество литров у малыша и взрослого дядьки? Но факт остается фактом, без жидкости красного цвета не жить. Ее потеря превращается в смерть, это простейшая и понятнейшая аксиома.

Кровь проходит через наш организм по венам и артериям.

По первым кровь возвращается в сердце, идя не под самым высоким давлением, по вторым, наоборот, кровь идет обогащенная кислородом, и давление неизмеримо выше. При повреждении бедренной, либо плечевой артерий, смерть от кровопотери наступает в течении двух минут. Если кровеносные сосуды раскурочены в хлам, то еще быстрее. Повредить артерии и вены не так-то просто, на самом деле. Если, конечно, рядом не происходит что-то страшное, или кто-то вдруг специально не решит помочь человеку потерять как можно больше крови. Если желание присутствует, то всегда есть вариант, что тот, кто захочет ее выпустить побольше, умеет это делать. Либо обучен специально, либо умеет это делать по самой своей природе.

Экспансивная пистолетная пуля девятого калибра, входя в тело, разносит в клочья с трухой мышечную и костную ткани, не оставляя возможности врачу помочь. Попадая внутрь человека – деформируется намного страшнее, чем пуля в полной латунной или медной оболочке. Все дело в плавкости и способности к деформации самого свинца, составляющего сердечник пули. Хотя, несомненно, не только. Дело и в самой форме пули, и, так-то, в первую очередь. Но и сердечник ... Любой, за исключением бронебойных или зажигательных. Но такими не стреляют по чему-либо живому, лишь в крайних случаях. Эти чудесные изделия стоят куда дороже.

Надпил в форме креста, сделанный надфилем, лишь добавляет убойного эффекта. Хотя, конечно, некоторые имен-

но кресту животворящему придают куда больше значения. Ну, да и Яхве с ними, вместе с прочими своими коллегами и отражениями. Мы-то с вами знаем, что дело не только в форме, но и в содержании.

Проходя через ткань одежды и кожу, попадая в мышцы и остальные составляющие любого организма, такая пулька преобразуется еще сильнее. Надпиленная часть немедленно распускает свои лепесточки, разворачиваясь и разлетаясь в разные стороны, по совершенно непредсказуемой траектории, пролегающей через важнейшие жизненные органы, скрытые внутри грудной и брюшной полости.

При поражении конечностей она может, просто напросто, их оторвать. Суставные сумки, при прямом попадании, превращаются в крошево и смесь из мельчайших остатков костей, хрящей, соединительной ткани, разлетевшихся лохмотьев тонких здесь мышц и клочьев кожи. При попадании в голову стоит ожидать шикарного разбрызгивания мозгового вещества, крови и небольших фрагментов черепной коробки. Если забрызгает, то виноваты вы сами, стоило стоять чуть дальше.

Активные ионы жидкого коллоидного серебра убийственны для обычного человека. Но для создания Прорыва, или дитя некросферы... оказываясь внутри такого тела, активное вещество вызывает полное удаление последствий некроза и уничтожают оставшиеся живые клетки, ответственные за функциональность самого тела. Для человека серебро –

слишком дорогое удовольствие в виде начинка патронов. Если вы видите человека, водящим надфилем по головкам револьверных патронов большого калибра с величайшей осторожностью, а стружка явно серебристая, это скажет только об одном.

Объект выстрелов – не живое существо. Какая взаимосвязь между тремя упомянутыми темами? Очень простая. Этот человек ищет и убивает тех, кого считают кровопийцами в самом прямом смысле. И в таком же прямом эти кровопийцы мертвы. И живы одновременно.

Кровь, сама по себе, не является питательной жидкостью, не продлевает жизнь до бесконечности и не наделяет своего потребителя, предпочитающего ее в качестве коктейля какими-то сверхъестественными способностями. Эта прекрасная и такая необходимая для любого живого организма жидкость попросту не имеет таких свойств. За некоторыми, возможно, немногочисленными исключениями из правил. И то, она лишь является связывающим звеном при передаче части дезоксирибонуклейновой кислоты^{1*}, алкающим и жаж-

---

¹ * Дезоксирибонуклейновая кислота (ДНК) – один из двух типов нуклеиновых кислот, обеспечивающих сохранность, передачу из поколения в поколение и реализацию генетически заложенных программ живых организмов для их последующего развития и функционирования. Вмешательство в геном приводит к различным последствиям, в том числе и весьма печальным. Так любимые многими «мутанты», если рассматривать их серьезно, не являются именно спорадическими мутантами, тем более, способными к продолжению рода. Но ведь фантастика, а в ней возможно многое, включая выживших в эпицентре ядерного взрыва свиней, расплодившихся в геометрической прогрессии в метро. Прим. ав-

душим ее. Но, попробуй, объясни это обывателю, способному лишь пересказывать бабушкины сказки, услышанные еще в детстве. Фольклорный персонаж вампира давненько и прочно занял в них особую нишу, прямо-таки специально отведенную для него фееричной и буйной человеческой фантазией.

Среднестатистического жителя города, деревни, поселка или, не приведи Господи, отдельно стоящего хутора, не волнуют многие вопросы, связанные именно с настоящей стороной жутких историй. Ему вовсе неинтересно знать о вампирах правду. О том, что кровососов из сказок нет. А есть бледно-серые порождения некросферы, убийцы заблудших путников, адские хищники, жрущих все, а не только пьющие кровь. И неинтересно про то, что серебро, драгоценное жидкое серебро, которое нельзя залить в патроны в кустарных мастерских, нужно именно для них. Что обычного волколака можно свалить и простым свинцом со сталью, лишь зная, куда стоит попасть. А убить кровопийцу, попав тому в голову, вряд ли.

Фермеру, работающему с утра до ночи, вовсе неинтересно знать про специфику работы по высшим мутантам, входящим в секту «Нокто», для которых кровь есть церемониальный напиток, полагаемый к выпиванию в определенные фазы луны и точно известные даты. Что зачастую после этого украденных, а чаще всего купленных, женщин оставля-

ют внутри секты для воспроизводства. Потому что каждый из их Домов может пополняться только под чутким медицинским контролем после оплодотворения. Что для уничтожения Высшего мутанта достаточно обычной крупной дробы... если ему полностью блокируют возможности ментальной атаки.

Обывателю на это наплевать. Он знает про нападения ночью. Про обескровленные трупы и залитую алой жидкостью землю вокруг. И какая разница, что тела не просто обескровлены, это и не странно, учитывая землю вокруг, а еще и разодраны в клочья. Найденные в редких случаях девушки и женщины зачастую убиваются самими отыскавшими их, потому что между ног у найденных все разворочено и кровоточит. Как же, оспадебожеваемой, дьявольское семя внутри!

Обыватель не понимает, что этот самый его вурдалак просто не сможет совершить акта насилия над жертвой. Ведь согласно их же собственных легенд вурдалак мертв. А циркуляция крови у трупов отсутствует. Какая разница, бей упырячью подстилку! Колом ее, колом, на том свете еще и спасибо скажет. Ни прокусов, так любимых в шепоте рассказчика на шее, ни порезов. Ведь кровь берется с помощью обычных шприцов. Всего-навсего. А отодрали девчущку самые обычные дикие мутанты. Хотя хрен редьки не слаще.

Горожанину, весь день отработавшему на восстановленной фабрике, плевать на это. На улице вчера ночью пропал человек, утром его нашли, вернее половину его, в сточной

канаве. Страх и ужас, это дыббук, соседи, иль того хуже – вампир. Здесь! На нашей улице! Кто поможет? Кто-кто... угадайте.

Что тут у вас? Где тела? Кто похоронил? Идиоты, какие вы идиоты, зачем же известью засыпать?! Какие укусы нашли на теле? Не было укусов... а что было? Понятно. Следы, где следы? Вот дерьмо...

Сколько у меня с собой серебряных пуль? Однако... м-да. Ладно, дождаться бы ночи в полнолуние, а там посмотрим.

Нижний зал постоялого двора Кабира, освещался только масляным фонарем. Мне, сидящему здесь, этого вполне хватало.

На выскобленных досках стола лежала разложенная кожаная укладка, снабженная множеством карманов, кармашков и узких нашитых вкладышей. Пустых среди них не было, каждый занимал металлический предмет узконаправленного назначения. Служанка, плотная и невысокая девчушка с низким тазом, туго обтянутая в талии тесноватым застиранным передником, старалась оказываться рядом с моим углом пореже. Ей не нравился я, пришлый мужчина, не обращавший внимания ни на кого вокруг, подспудно она даже боялась. Иррациональный страх возник еще вчера, после драки, начатой одним из постоянных посетителей. Оно в чем-то, с ее точки зрения, понятно.

Мужчина, сейчас чистящий свое оружие, не дрался. Он

убирал с дороги помехи, три высоких, сильных и мощных помехи, решившие что-то ему доказать. Всех троих увезли на тележке старого Горбатого, привозившего продукты из молочной лавки. Свалили кучей, живой, охающей и стонущей, и увезли. Вроде как в больницу, а может и к старцам. Кто его знает? Это ее мало интересовало и беспокоило. В отличие от мужчины в углу. То есть, меня.

Не самый высокий из виденных ею за жизнь. Худощий, кожа да кости. Коротко подстриженные волосы торчали неровно отрезанными лохмами. Лицо, гладко выбритое, не казалось молодым. И одновременно не было и старым. Станным оно смотрелось, лицо, отрешенным, с сеткой мелких шрамов, незаметных. Но тут же выскакивающих наружу, если присмотреться. И откуда ей знать про мой настоящий возраст?

Сильные длинные пальцы быстро мелькали над разложенными принадлежностями, патронами и самим оружием. Он делал свое дело, иногда вовсе не глядя, точными и верными движениями. Шомполом прочищал стволы обоих больших пистолетов, смазывал что-то, иногда брался за связку маленьких инструментов, подтягивал, постукивал. Несмотря на вечер и парку-жарку-варку на кухне, здесь, в углу, совсем не пахло едой. Вместо пригоревшего жира или завонывшего к вечеру лука, нарезанного впрок, в углу пахло тремя вещами. Оружейным маслом, выделанной кожей и металлом. Со стороны так оно и выглядит, наверное. Ну, так мне

кажется, во всяком случае.

Волнение девушки меня интересовало очень мало. Какая разница? Сколько их было, сколько их будет? В таких дремучих медвежьих углах все привычно, это не центральные, густонаселенные области. Каждый раз здесь одно и то же, постоянное ощущение собственной «-инности», неприятие обычными людьми. Стоит лишь заикнуться про то, кем являюсь и все, начали сторониться и оглядываться, перешептываться. Бу-бу-бу за спиной, и старые, и не очень. Лишь ребятя всегда ведет себя, как и должна вести.

Лезут, постоянно клянчат подержать оружие, рассказывают сказки какие-то, норуют затеять рядом игру в лихих казачков-разбойников. Обязательно появляется клушка, которая начинает гнать детвору, как будто можно от меня заразиться чем-то опасным. Да, задевало, и сейчас тоже, бывает, задевает. Но что поделать? Есть указания нанимателей, не мне их подвергать сомнению до выполнения задачи. Сказали – узнать кто зверствует в Больших Зажопках, равно как и в Малых, найти и уничтожить злодея, значит уничтожим. Хотя сейчас-то, мне бы начхать на местные проблемы. Хорошо было бы начхать, только не вышло. А вышло совсем по-дурацки, глупо и непонятно. До злости на самого себя. Вот и сижу сейчас, стволы чищу, патроны проверяю. Пусть и не в Больших Зажопках.

Зато, хоть кормят здесь не в пример лучше, чем в двух последних придорожных кабаках, оставшихся на тракте. Мне

не надо проверять еду с помощью хитрой аппаратуры от давнего знакомца, умника Доцента^{2*}, чтобы знать про нее все. Сколько положено мяса, а сколько синтезированного заменителя, сделанного в старой-старой ГМО-шке, что даже и не прячется в подсобке. Насколько суп с картошкой и кусочками мяса сварен из говядины, а насколько из крысятины, забитой в курятнике. И какая была коровка, из которой вышел такой навар – нормальной, или с шестью ногами. Такой вот у меня вложенный и весьма полезный талант, спасибо то ли папе, то ли маме, хорошо им отдохнуть в краю яблонь.

Сколько свернутых челюстей и носов осталось за плечами, после выловленных половником в котле хвостиков или найденных на заднем дворе остатков от синих, как васильки, коровьих шкур? И это по минимуму, не говоря про пару-тройку спаленных, и предварительно политых хозяйской кровью, совсем уж плохих гостиниц. Из тех, у которых в омшанике, на безграмотно устроенном леднике можно было найти совершенно другие деликатесы. Те, что до копчения могли разговаривать. А иногда только искать мягкими крохотными губешками мамкину титьку. Да-да, таких и сейчас

---

^{2*} *Доцент – один из основателей всей структуры отрядов чистильщиков. Ученый – самородок, воспользовавшийся результатами секретных исследований и опытов, проводимых в различных НИИ Его Императорского Величества (далее ЕИВ), для создания основы научного потенциала Базы. Немалую роль в последнем сыграли два похода «первых» в бывшую Столицу. Наряду с Мастером и Генералом (оставшимися в живых «первыми»), являлся главой Совета. Прим. автора.*

не мало в Пустошах.

Девчонка, испуганно косясь на меня, шлепнула миску с горохом и двумя большими колбасками. Вместо хлеба здесь пекли тоненькие и прозрачные лепешки. Да еще и на настоящем тандыре Мягкие, пахнущие угольками и безумно вкусные. Хозяин-то из настоящих чистых кочевников, тот еще разбойник. Заметно и по роже, украшенной следами от мелких осколков, и по повадке работать ножом, хищно и уверенно.

Но мне оно без разницы. Зато порядок здесь, чистота и вкусно. Последнее без преувеличения, абсолютно честно. Ел вчера отварное, рассыпающееся в руках жирное мясо, пахнущее какой-то особой острой приправой и сразу несколькими травами, лежавшее на кусках теста, готовящихся в густом бульоне. Зуб даю, уважаемые, редко когда было так вкусно.

Как я понял, вчерашний инцидент с тремя красношеими бугаями являлся исключением из правил. Хозяин, Кабир, держал свое заведение жестко и твердо. Сдается мне, что за исчезновение особо наглых и глупых клиентов его никто и не дергал. А уж поступал он с ними решительно и жестоко. В соответствии с именем^{3*}.

Поесть?.. Надо поесть, кто его знает, как оно сегодня но-

---

^{3*} Кабир – могила (тюрк.) Имена, фигурирующее в тексте есть ничто иное как публичные определения-«погонялы». Настоящее имя, даваемое при рождении или инициации, известно лишь нескольким людям. Изжиток и суеверие времени, пришедшегося на пару-тройку десятков лет после Полночной войны. Прим. автора.

чью сложится. В таком деле наперед не загадаешь, как ни старайся. Вроде бы понятно все про тварей. Кто такие, сколько, где искать, но мало ли. Работать одному сложно. Если можно так сказать, конечно. Разбираться с некроидами в одиночку... не очень хочется. Совсем не хочется, до жути просто, и отвращения. А надо. Хотя вряд ли меня сейчас бы понял кто-то из редких коллег. Особенно зная про задачу. И светиться не стоит, и живым надо остаться. Только... А что только?

Мне не привыкать видеть разодранные и искалеченные до неузнаваемости тела, что людей, что животных. Но зацепило, ой и зацепило. Ехал куда надо, искал кого нужно. Трах-бах, попался по дороге паренек, бледный, как мукой обсыпанный, глаза по полтиннику, как не лопнули. Несется по дороге на полудохлом ишаке, и как он только так ногами перебирает. Остановил, узнал что такое, добрался до местных чигирей. Посмотрел на то, что осталось от пятерых ребят, решивших сходить по ягоды в местный лесок. Лесок-то так себе, откуда ему здесь больно взяться, до Камня еще пилить и пилить верхом. Вот там леса. Не то что здесь, где при желании не спрятаться. А детишкам хватило. И их родителям тоже. И мне, как оказалось. Потому сижу здесь столько времени, жду, чищу вот стволы и готовлюсь выйти за высокий частокол села, добраться до разоренного старого хуторка, и там на месте все и решить. До темноты, самое то.

Кто меня там ждет? Скорее всего обычные упыри, очень похожие на нас, только быстрее и сильнее большинства

обычных людей. Да и упырями их больно не назовешь, жрут все, что догонят. Вероятно, тройка, плюс где-то, в подполе или в подвале, в хитром сплетении подземных ходов или даже глубоком обычном овраге, есть самка. Да, в придачу, готовая кладка, где разрослись вверх и в ширину плотные кожистые блямбы с зародышами, соединенными со своей зубастой мамкой толстыми кишками пищеводов. А рядом, жирная, безволосая, раскинувшись на куче наваленного тряпья, найденного по домам муженьками, ОНА.

И в пределах досягаемости длинных корявых и когтистых лап, практически сожранные и обглоданные до костей, с зеленоватыми от разложения остатками мышечных тканей, трупки трех ребятишек из села. Двух сожрали самцы-охотники, перед тем, как впасть в спячку. Один на двоих и один для оставшегося бодрствовать. Вот его-то, ублюдка, мне и надо прижать первым, отыскать, убить, а потом заняться остальными. Не то здесь, под боком пограничной со Степью точки Альянса, пока не особо сильной, появится Гнездо. Выжечь под корень его будет сложнее.

Вот так и оно и проходит время. Таскаюсь себе взад-вперед по пустошам и Альянсу, одинокий и неприкаянный, наводящий страх и ужас, настоящий бирюк. Ага, как есть – больной и несоциализировавшийся волчара.

– Еще что-нибудь? – деваха застыла рядом. – А?

Что ж ты, милая, так трясешься-то? Не укушу же.

– Пива. Есть же вчерашнее?

Та только закивала и пропала. Вот дела, как сажа бела.

– Присяду?

Рядом, спокойно глядя на меня, стоял Кабир.

– Да. Хозяину разве откажешь?

Он сел. Вытащил вышитый дорогими синтетическими нитками кисет, вопросительно приподнял бровь. Я кивнул, соглашаясь. Выходить мне через несколько часов, обоняние восстановится.

Хозяин положил кисет на столешницу, достал привозную упаковку папиросной бумаги. Тракт, идущий от Портов, пока работал хорошо. Перебои случались, но позволить себе делать самокрутки Кабир мог.

Сухими темными пальцами он ловко сыпанул на развернутую маскотку ровную щёпоть сухого и жесткого, спрессованного жгутами табака. Скрутил, провел языком, склеил. Вставил ровнехонькую пахитоску в мундштук, вырезанный из гладкой красивой кости и прикурил от принесенного с собой подсвечника.

Сгорающая никотиана оказалась пересушенной, потрескивала и дымила чуть горче, чем при хорошем балансе влажности. Кабир поморщился, когда попало в глаз, и рукой разогнал плотные клубы.

– Не люди здесь в основном, кизяк. Того, что порезал, сам сколько раз бил.

Я только пожал плечами. Какое мне до этого дело? Хорошие, плохие, дерьмо или золото, все едино. Есть самое глав-

ный принцип: каждый из жителей этого Задрищенска человек. А раз так, то стоит выполнять слово, данное самому себе.

– Кизяк, м-м-м... – повторился Кабир, – но и нормальных хватает. В этом и вопрос.

– В соотношении кизяка и нормальных?

Кабир усмехнулся. Шрамы на подбородке заплясали, вторя ухмылке.

– Нет. Тому, что ты собираешься сделать.

Что сказать? Взял и раскусил меня, одним словом. Пришлось воспользоваться самым лучшим ответом – пожать плечами.

Кабер снова усмехнулся, показав крупные желтые зубы. Постучал себя по правой ноге. Та ответила с отзвуком металла.

– Ты такой не первый, парень. Мне повезло, попался отряд военных с полевой медицинской мастерской и двумя умниками, сумевшими сделать мне протез.

Ну, тут он не удивил. Заметить кибернетическую конечность, когда та сделана на совесть, тяжело. Но я заметил. Пусть и не сразу. И даже удивился. А причина, как оказалось, куда как интересная.

– К чему ведешь?

– Оно тебе точно надо? – в лоб спросил Кабир. – Мы были впятером. Я был даже моложе тебя, да и остальные тоже. Но сделали всего ничего, веришь, нет? Меня вытащил Гек,

вытащил, и сам погиб чуть позже, когда выблевал легкие. А я остался один, и без ноги. Ты так сильно хочешь пойти в одиночку на тварей из тьмы?

Хороший вопрос. Я отложил шомпол, уставился в его темные глаза. Хочу? Да я жажду этого. Почему?

Потому что маленьким читал затертую и растрепанную смешную книгу о мальчике и его игрушечном медведе. Потому что видел нарисованный фильм про веселого бородача и его компанию, защищавшую детские сны. Потому что видел не один пустой дом, с колыбелью, залитой кровью. Потому что хочу, чтобы сон ребенка и его жизнь, любого малыша в округе, были добрыми и теплыми. Как не оказалось у меня.

Не любят меня и моих братьев с сестрами? Да не любите, на здоровье, кушайте не подавитесь. Это никак не мешает нам бороться за мир вокруг и за ваши же блядские жизни. Даже если вы считаете, что все дело только в деньгах, что нам платят. Угу, точно, в них самих и не больше...

– А, и так понятно, и не говори ничего. – Кабир затушил самокрутку. – Ну, как знаешь. Ты, думаю, завтра с утра пойдешь на охоту?

– Да нет. Сегодня ночью пойду. Чтобы их найти.

– Ночью? – Кабир почесал переносицу. – Да ты, парень, как посмотрю, совсем на всю голову ебан...ый.

– Не хочешь компанию составить?

Он махнул рукой и пошел к себе. Ну, вот, а я надеялся... Ладно, уж себе-то врать не стоит.

– Кабир!

Он повернулся, а я замолчал. Посоветовать запереться этой ночью на все засовы? Так вряд ли он поступает по-другому. А не скрывать от местных то, в чем уверен, не стоило. Порой по-другому никак.

– Спасибо за беседу.

Он не поверил. Но явно что-то понял, если судить по разом сдвинутым бровям и потяжелевшему взгляду.

Когда я двинул к себе, то меня точно провожало немало взглядов. Только вряд ли среди них нашлась хотя бы парочка добрых. Даже обидно.

Стрекотали сверчки. Стрекотали всерьез, вдохновенно и неумолчно. С прудов, что за околицей и низким частоколом, доносилось романтическое кваканье. Где-то топили печь в бане, и явно парились, поддавая на камни квасом. Как и предполагалось, организм справился и полностью восстановился. Пастораль и идиллия, что сказать.

Пейзанскую красоту сегодняшней ночью мне довелось наблюдать с крепкого разлапистого клена. Сидеть между нескольких крепких ветвей, и терпеливо выжидать. А как еще? Да никак, что уж тут.

Чего жду? Того самого «дежурного по берлоге» упыря. Почему? Все не так уж и сложно, если это не в первый раз. У меня этот самый раз уже четвертый. Или нет, вру, пятый. Прямо круглая дата какая-то... или событие?

Оставшийся без краткосрочного летаргического сна упырь должен оголодать. Детишки пропали с неделю назад, и есть ему хочется. Несомненно, что в лесах, густо разрастающихся в округе, живности хоть одним местом ешь. И он так и поступает. Жрет себе всяких барсуков, хомяков, белок и птенчиков. Если сильно захочет, так и поросенка сможет отбить у одинокой мамашки, и сожрать. Хотя с одинокими кабанчиками обычно дело швах. Таковые сейчас не выживают. А упырь, пусть он и не особо сообразителен, все же не враг сам себе. Стадо волосатых хрюкалок и его раздерет на части, стоит только сунуться. Но дело даже не в этом.

Некоторые органы живых организмов прекрасно подходят для их длительного употребления в пищу. Некоторые совершенно противопоказаны. А есть еще и такая вещь, как дикий и неумолимый голод, живущий в созданиях тьмы. Тот самый Доцент, хитрей и пройдоха, недавно встреченный в Сороке, рассказывал про нее, про тьму. И про некросферу. Про странную сущность, лежащую рядом с нами, наполненную темнотой под завязку и долго-предолго бывшую невидимой и незаметной. И заявившей о себе, криками ужаса и боли сразу после Полуночи.

И не надо лично мне знать научное обоснование такой вот тяги не-мертвых к людям. Мне достаточно знать совсем немного. Про то, что упырь будет крутиться рядом с сельцом. Это плохо. И это хорошо.

Сверчки затрещали донельзя сильно, с прудов им втори-

ли глубокими ритмичными уханьями. Свихнуться можно от звуков природы. И от запахов, само собой. Особенно с моим обонянием. Нет, я, очень рад его наличию, спасибо еще раз родителям и изменившемуся геному. Но порой приходится тяжело. Зато помогает.

Если упырь решит перебраться через частокол, то не заметить его не получится. Запах, свойственный им, выдаст с головой. А вот от меня не пахнет ничем. Кроме смеси самых обычных трав и листьев, тихонько бьющих в нос от пасты, нанесенной на тело. В Гае, разрастающемся городке в степи у Фронтара, мне попался знатный фармацевт. Говорят, уже второе поколение аптекарей, живущих в доме с вывеской «Под ливдвурмом». Вот у него-то и заказал эту штуку, охотно раскупаемую тамошними пограничниками, трапперами и прочим небезопасным людом.

Упырь придет. Прошла неделя. Сжигающее изнутри желание отведать человечинки приведет его сюда. Это мне известно из своего же опыта. И немного из чужого. От учившего меня всему Снега, погибшего в ночь, когда он забыл про это. Раз так, то остается ждать. Терпеливо, не шевелясь и баюкая на руках пятнадцатизарядный «шершень»⁴. А как еще?

---

⁴ «Шершень» – многозарядный автоматический дробовик, созданный для нужд специальных подразделений Корпуса жандармов. Использовался в городских операциях при штурме зданий. Широко разошелся после Полночи в связи с великопленными ТТХ и качеством изготовления, позволившим пережить годы упадка с минимальными усилиями по восстановлению и уходу. Прим. автора.

Мой враг слегка подслеповат, но зато видит в нескольких диапазонах. У него прекрасный слух и не самое лучшее обоняние. Он ловок, силен и быстр. И очень важно, чтобы бледнокожий вражина не просто не услышал меня. Самое важное, чтобы он сделал свое дело, и ушел в берлогу. И не услышал, и не почуял, как я пойду за ним. Потому что искать их убежище просто так – нелегко, да и времени у меня не хватало.

Сверчки чуть понизили и темп, и тональность. Квакушки же не сдавались. В крайнем доме к ним присоединилась какая-то парочка, оживленно постанывая и охая. Причем постанывал явно мужской голос, а вот низко охал как раз женский.

Из движения, волей-неволей, приходилось позволять себе достать из кармашка «сбруи» плотный шарик и отправить его в рот. Каждые два часа, и сон как рукой просто-напросто. Наследство старика Снега, земля ему пухом. Умер учитель, многого не передал. А пару таких катышков из оставшегося полтинника оставил Доценту. Интуитивно, доверяя ему как товарищу, которых не было. Умник сможет разобраться в смеси, а это и главное.

Сиделось удобно. Давили ремни жилета, никак руки не доходили подогнать лучше, придумать прокладки какие-то. Но жилет он везде жилет. Даже в Минусинске, наверное. Его-то нашел в совершенно случайно обнаруженном пункте радиосвязи, если судить по приборам, времен Войны. Если

не заводская упаковка, вряд ли бы сохранился для носки. А так, вот, получите, весь из себя боевитый профессионал, да со средством защиты. М-да...

Лишь бы хватило патронов и удачи, это всенепременно. Не хватит одного или другого, пиши-пропало. А пропадать мне не хотелось.

Сложно любить жизнь вокруг, но не любить её – форменный идиотизм. Никто из нас, из Братства, таким не страдал. У нас не пострадаешь глупостями, цена чересчур высока. Был человек – нет человека, так вот, это даже среди обычного народа все равно беда. А когда погибает кто-то из наших, из своих... Это катастрофа. Ведь нас совсем мало, а мир вокруг огромен, лют и дик.

Листья тихо шелестели, старательно навевая сон. Капшечек рассосался, оставив во рту сладковатый привкус и несколько липких нитей между зубами. Подействует скоро, а пока приходилось старательно увещевать себя самого и не спать. Тяжело... ой, тяжело.

Запах пришел с левой стороны, проник внутрь меня, закрутился спиралью, сразу заставив перестать зевать. Такой знакомый, резкий и суховатый, с примесью горечи, обильно сдобренный засохшей кровью. Дождался, угадал, и, что тут греха таить, не был этому рад.

Потому что в худшем случае упырь пройдет внутрь села и уйдет не с пустыми руками. Да и желудком, что уж тут. Ну, что у нас здесь?

Бледный крупный поганец затаился в кустах у воротной башни. Интересно. Там же всегда есть часовые, а упыри, пусть и не отличаются умом, но многое понимают. И разобраться в том, что у людей внутри сруба, оружие, явно получится. Хотя?

А, вот оно что... Интересно.

Запах козленка шел со стороны частокола давно, но не думал, что почему-то не блеющего животного оставили специально. Ошибался. Да-да, вон, мой бледный недруг уже пошел, пошел к задергавшейся бедной животине. А, никак замочали мордочку чем-то? Еще интересней, именно так. Отдариваются? Или?..

Оказалось, что «или». Упырь хватанул козленка так быстро, что мне оставалось только ускориться, пытаюсь не упустить запах твари. Пойти по следу смогу, но схватиться надо сразу. К моему удивлению за упырем из-за частокола двинулся кто-то еще. Явно не взрослый, судя по юрким движениям и росту. Догнал я «или» быстро. Дать ему вспугнуть зверя мне совершенно не хотелось.

И, порадовался. Не ошибся в возрасте. На вид мальчишке было где-то четырнадцать, не больше. Что скажешь? В младшие братишки не годится, а вот в племянники, если нормальная разница с его родителями, само оно то.

– Пришел в себя? – Да, ударил, так, чтобы вырубить. Не хватало мне с ним объясняться, когда впереди, бесшумно и

быстро, уходил упырь. – Орать не будешь? Точно?

Тот решительно замотал головой, мыча через тряпку.

– Просто умница. Снимаю. А ты быстро и красочно объясняй – зачем и как додумался?

Малец весь аж задержался, стараясь наврать быстро и относительно правдоподобно.

– Не ври.

Он вздохнул.

– Сестренку мою утащили, сволочи.

– Отомстить, что ли решил?

Парнишка мотнул головой. Д-а-а-а, герой, штаны с дырой. Хотя и упаковался вон, прямо воин, что и говорить.

Смех смехом, а вооружился недоросль неплохо. На поясе патронташ, за спиной вертикальная двустволка, ба, даже пистолет. В придачу юноша решил прицепить к поясу топор и немалых размеров нож. Одно слово – герой.

– Так... а как ты за ворота ушел незаметно?

Парнишка вздохнул.

– Не нужен никому, что ли?

От, дела. И как быть?

СТОП!!!

– А скажи-ка мне, дружище... – я покатал на языке вопрос, надеясь и одновременно совершенно не желая услышать нужный ответ. – Как ты увидел, что козленка твоего забрали?

Он шмыгнул носом.

– Я не увидел. Почуял.

Дела...

Мальчишка не прост. Он такой же, как и я. И это многое объясняет. Особенно то, что никому нет дела до его мести в одиночку.

– Что в патронах?

Теперь он засопел.

– Да говори, мне все равно, что и у кого ты украл.

– Медальон, мамин. Крест, его спер у священника. И несколько ложек... у старосты взял.

– Нарубил?

– Да. Выплавить не получилось.

Д-а-а-а... Вот же черт. И как теперь поступить?

– Хочешь, значит, отомстить?

Он кивнул, зыркнув совсем не детским взглядом.

– Упырь ушел вон туда. Есть там брошенные дома, мельница, пасека, еще что-то?

Мальчишка кивнул. Хорошо.

– Тогда пошли, покажешь. Но соваться за мной не стоит, рановато тебе. Это... как тебя кличут?

Он усмехнулся.

– Мастерком. Отец у меня каменщик... был. Научил работать.

– Ну, Мастерок, тогда пошли.

И мы, само собой, пошли.

Так и так мне бы пришлось сидеть, и ждать, когда упырь уйдет подальше. Запах этих тварей упустить тяжело, даже в лесу. Не говоря о том, что в лесу есть немалый поселок, со всеми вытекающими. Опыт, его не пропьешь.

Мастерок помог, выводя ровно туда, куда и было нужно. Да-да, вот оно, царство небольшого, но от того не менее мерзкого зла. Зла, питавшегося небольшой популяцией моих собратьев. Хотя, что уж тут, не только ими. Только сейчас это не играло никакой роли.

Оплотом мрака и гнездом упырей оказался давно заброшенный хутор. Стоял он на отшибе от поселка, брошенный хозяевами как бы не сразу после Полночи. Если не раньше.

Чернели просевший корявый дом и пристройки. Забор, сколоченный из когда-то крепких досок, торчал неровными частями, похожий на зубы древнего деда. Тут кусок, там остаток. Луна выбралась из-за туч, залила изумрудной зеленью вокруг, подсветила стены. Я поморщился, глядя на прогалы окон и дверей, ведущих внутрь. Если бы не страх местных, если бы не глупая ответственность за их жизни, полез бы туда? Не знаю. Но деваться сейчас стало уже некуда. Все надо доводить до конца, если уж взялся.

– Так, Мастерок. – Парнишка, спрятавшийся за прогнившими остатками трактора, покосился на меня. – Слушай внимательно. Запоминай, мотай на не отросший ус и делай, что тебе старший говорит.

А сам тем временем достал из подсумка «ночной глаз».

Спасибо тебе, мастер золотые руки по имени Доцент. Ну, да, не подарок. Плата, так сказать, за спасенную несколько месяцев назад его жизнь. И что? Отказаться стоило? Ага, нашли дурака, держите карман шире.

Плотный эластичный ремень обхватил голову, но самую хитрую конструкцию опускать не спешил. Не стоит, пока не окажусь в темноте развалин, мало ли? Мастерок смотрел, как показалось в темноте, со странной смесью недоверия и уважения. Эх, чудо-юдо, чего ж ты мне раньше не встретился, а?

– Если я не вернусь через пару минут после первых выстрелов, вали отсюда. Беги до поселка, и дождись утра. Меня упырям хватит, чтобы наестся как дураку на поминках. А ты, прямо со света, выбирайся до тракта, и двигай в Гай. Вот ключи, возьмешь мой драндулет. Ты умеешь водить?

Надо же, Мастерок кивнул. Хороший был у него папка, что и сказать.

– В Гае, на Пятой улице, найдешь Доцента. У него там небольшая мастерская. Расскажешь все про себя, ничего не скрывая. И про меня.

– Зачем мне сидеть здесь? – Мастерок поднял ружьецо. – Не понимаю.

Эхма, не понимает он.

– Внизу ты, скорее всего, погибнешь. Здесь же, оставшись, сможешь мне выбраться. Если все пойдет не так. Если я как-то выкарабкаюсь из дома. Две минуты, не больше. Ты

понял?

Мастерок снова кивнул. Мне положительно нравился паренек. Молчаливый, сообразительный, да еще и не обделенный несколькими полезными качествами. Ну, прямо вылитый я. Да, жаль, не встретил его раньше.

«Ночник» со скрипом опустился на лицо, и темнота раскрылась мне всеми оттенками своей странной и страшной глубины.

Упыри твари неприятные. Это я об их внешнем виде. Сеорокожие, холодные, в бляшках и странных наростах. У них лобастые головы с выпирающими челюстями. Они падальщики и живоглоты, с ярко выраженными людоедскими наклонностями. Запах тухлого мяса и крови прет от каждой особи так, что не промахнешься.

Еще каждый из них прекрасно видит в темноте, и очень здорово пользуется обонянием. В общем и целом, если вдуматься, очень серьезные противники. Доцент, очень любящий умничать, пользуясь данными неизвестного происхождения, упрямо относил их к какой-то некросфере. И обзывал странноватым прозвищем «некроиды». А как по мне, то называй их как хочешь, сути не поменяешь.

Но, вот чего у них не отнять, так это осторожности. Добраться до гнезда тихо и спокойно выйдет вряд ли. Вас интересует вопрос караульного и остальных? Почему он один, и почему ушел? Все, как водится, просто до безобразия.

Упыри легко впадают в спячку, сохраняя остатки потраченной во время большой охоты энергии. Дохлые или чем-то зараженные скоты укладываются, прям маленькие детишки, клубочком и спят. Единственный караульный тихо сидит в укромном местечке и слушает, нюхает, наблюдает. Но, как водится, ему быстрее остальных хочется снова пожрать. И именно в такой момент упырь уходит, чуть разбудив товарищей. Те, находясь в дреме, дожидаются его прихода и впадают в еще больший сон. Вот тут-то их и бери. Пусть и не голыми руками.

Да уж... давно ли слушал поучения про серокожих? Да нет, и сколько нас осталось из десятка? Я один.

Внутри резко пахло сухой пылью. Немудрено, раз уж та покрывала каждый дюйм. И хорошо, и не особо. Наступаешь в мягкий ковер, взмывающий вверх крохотными облачками совершенно бесшумно. Только вот под ним, плотным и темным, ни хрена, простите, не видно. Совершенно.

Зеленоватые блики почти полной луны позволяли рассмотреть многое. И следы моего одинокого охотника за агнцами в том числе. Как бы ты, дружище, не осторожничал. Если знаешь, что искать, так найдешь всегда. Вон она, цепочка следов, ведущая к большой дыре, темнеющей в дальнем углу. Дерьмо. Гранат бы, хотя бы немного...

Хотя, давайте честно, толку от них? Что внизу – не знаю. Обрушится ли что-то? Тоже не знаю. Остается только идти вперед. Ну, пошли.

Стрелять пришлось сразу же. Упырь охранник не подвел, услышав и дожидаясь меня. Спасло обоняние, выдав его. «Шершень» рывкнул, отбрасывая скотину, рывкнул вдогонку, размалывая картечью шишковатую голову в хлам. Знаете же, что давление крови в верхней части организма чудовищное? Ну, так это относится не только к людям.

Липкая мерзкая темная дрянь, бегущая по сосудам упырей фонтанирует ничуть не хуже крови человеческого тела. Черный взрыв, так хорошо заметный через «ночной глаз», смотрелся на мой взгляд безумно красиво. А то, как же, одним врагом меньше. Зато двумя проснувшимися больше.

Удар, нанесенный сзади, проворонил. Упыри врываются в землю как кроты. Такие большие, страхолюжные и злющие кроты. А уж наплодить ходов под заброшенным хутором... это, как водится, они запросто. Через один такой-то на меня и сиганул первый пробудившийся.

И хорошо, что решил сперва ударить, а потом прыгать. Толстый нагрудник с воротом, закрывающим мне и затылок, и лицо по самый нос, спас. Твердые изогнутые пластины в нем приняли удар на себя, не дав сломать мне позвонки. Шваркнуло на колени, приложив о трухлявые доски подпола, но это ерунда. Упырь не успел вцепиться когтями, не смог рвануть клыками плотную кожу куртки, подарив мне шанс, а себе смерть.

«Шершень», висящий поперек груди на ремне, я бы не вывернул к нему. Зато семизарядный барабанник выскочил

из кобуры на бедре как собака по свисту. Вылетел, и дробно грохнул тремя подряд. Теми самыми патронами с надпиленными Священным крестом головками пуль. С серебром.

О-о-о, если бы не третий дружбан с клычищам длиной в половину моего большого пальца, не удержался бы и полюбовался на такую вот красоту. Ай, как корежило и разрывало на части серого некрасивого убийцу. Причем разрывало в прямом смысле. Куски мяса и кожи стекали по костям, отслаиваясь, отваливаясь темными влажными кусками, чавкая падающими вниз. А поделом, не хрен людей жрать. А если любишь человечинку, так не стоит удивляться живительным инъекциям в собственный организм, получаемым в качестве оплаты.

А вот плохо то, что «ночной глаз» от удара совсем расстроился. Мигнул напоследок и потух. Точно в то время, когда на меня налетел последний. Зараза...

Упырь прижал мне руку, хватанул зубами прямо рядом с носом. Пришлось толкнуть его вперед и скатиться вместе с ним в низ, в пустоту и темноту. Приземлиться мягко не вышло.

Хозяин у хуторка когда-то был хорошим. Таким... хозяйственным. Доски настелил по полу добротные, толстые. Они разве что хрустнули верхним, чуть подгнившим слоем, и радостно приняли мой правый бок. Ну и, вдобавок ко всему этому веселью, приложился головой, до звездочек в глазах, темноты и звона в ушах. Твою ж мать!

Прелая сырость и гниль погребца свивались в причудливый и знакомый запах. До печенок знакомый, что и говорить. Такой, знаете, родной, б...! А о чем говорит то, что я его ощущаю? Ни о чем хорошем, это точно. Живой? Да это беда, больше никак и не скажешь. Скоро меня станут жрать. Живьем.

Через пролом внутрь вливался зеленоватый лунный свет. И даже виднелись звезды. Неопишуемая красота. Особенно если смотреть в последний раз. Так, что у нас? Руки притянуты за спину. Оружие? Если судить по весу, то ничего нет. Хреново.

Зубищи у упырей на самом деле с полпальца длиной. Как они не жрут сами себя изнутри, когда спят и скрипят зубами, непонятно. Но представить, как желтые, острые, покрытые тягучей слюной зубы впиваются в собственную твою плоть? Страшно.

Когда холодные скользкие пальцы отодвинут ворот жилета, прикоснутся к коже ослепительно ледяными червями, когда черный и склизкий язык пройдет вдоль сосудов, царапнув кожу шершавыми бугорками, когда, обдав смрадом, твоей шеи коснутся зубы, бросив по коже щекотку ожидания. Наверное, я заору. И, возможно, даже и обделаюсь. И мне совершенно не будет стыдно. Лишь бы быстрее, лишь бы это оказалось недолго.

Сбоку хрустнуло, зашелестело. Твою ж мать, чего ты тя-

нешь?!! Ну?!!

– А я не верила...

Пахнуло густым запахом спекшейся крови, чуть перебиваемым травяным ароматом. Хорошо, что не добавился мой запах. Коты и собаки специально метят заборы и дома, доказывая свою состоятельность. А мне оно как-то кажется неприличным, описаться, да еще и при женщине. Женщине, надо же

Света стало заметно больше. Мягкого и зеленоватого. Ну, а как ещё-то? Гнилушки, воронье гнездо в качестве подсвечника и светляки, кружащие вокруг какой-то мерзко пахнущей дряни. Такие вот светильники всегда есть в их берлогах. Я повернул голову, пытаюсь рассмотреть ЕЁ. Да и, чего врать, немного радуясь оставшимся секундам или, скорее, минутам, собственной жизни.

Да уж, интересно. Такого встречать еще не приходилось. На упыря она тянула с большой натяжкой. Тоненькая, никак не похожая на раздутых жаб с клыками, встреченных ранее. Это не считая того, что она со мной разговаривала. Разговаривала, надо же. И, получается. Что Доцент в чем-то прав. Если существует какая-то там некросфера, то она может обычных людей превращать в такое вот диво.

Тоненькая, невысокая, с темными, скорее всего черными волосами. Где-то до лопаток максимум. Внутри что-то напряглось. Я напрягся еще больше. Как-то странно лежать связанным в упырином логове и откровенно рассмат-

ривать... кого? Да ведь она же должна быть не живой, так? И чего ж на нее пялюсь как на самую обычную женщину.

Запах трав усилился. Горьковатый и сладкий одновременно, приторный, он душил, почему заставляя вздрагивать. Он шел из темноты за ее спиной. И там, ну точно, там тлели угли под чем-то широким и плоским.

– Почувствовал? – Она подошла ближе, села. Качнулась небольшая грудь. – В такое ты бы не поверил, не окажись здесь.

– В что?

Она резко, совершенно нечеловеческим движением, нагнулась. Пахнуло кровью, заставив вздрогнуть. Света хватало, и зрение полностью привыкло. Не «ночной глаз», но и своих способностей хватало. Да... лучше бы она не улыбалась. Улыбка ее портила. Красивая женщина, а оскал похуже волчьего.

– Я не верила в охотников вроде тебя. А ты явно не веришь и в свою жизнь сейчас и в то, что заставляю тебя думать не о смерти, а, скорее... о самом настоящем проявлении жизни.

Запах наплывал все сильнее. Хотелось отвернуться, уткнуться носом в собственную майку, втянуть пропахшее потом тело, лишь бы не падать внутрь еле заметной пелены травяного тумана, дурманящего все сильнее. Да что там, больше всего хотелось просто надеть противогаз. Ну, или хотя бы респиратор.

– А что ты хотел? – она удивилась. – Ты бы как себя по-

вел на моем месте? К тебе, неожиданно-негаданно, сваливается в гости здоровый молодой мужчина. Если бы ты еще не хотел меня укокошить, так просто радовалась бы. Ну, а так, остается наслаждаться двумя возможностями. Тем, что смогу воспользоваться тобой из-за никак не уходящей тяги к плотским удовольствиям и тем, что теперь у нас есть запас еды. На время перехода в новое место.

Ударила она быстро и незаметно. Взмах практически не уловил. Ну и когти! Лицо резко обожгло, и черные когти заметил только когда она задержала руку прямо перед лицом. Черт... ну и когтищи.

Нет худа без добра. От удара в голове чуть прояснилось. С другой стороны это же и плохо. Как-то меня не порадовали ее слова о плотских удовольствиях. Нет, правда, в голове прямо прояснилось.

Она, судя по всему, это почувствовала. Во всяком случае то, что не пялился на ее сиськи, точно. Зашипела и отошла к углям и жаровне. Захотелось взвыть от бессилия.

На небе разошлись набежавшие тучи. Свет скользнул внутрь сильнее, подсветил зеленью погреб и ее. Надо же, дамочка оказалась не из деревенских. Деревенские татуировки не приветствуют. А у этой над лопаткой какая-то непонятная крякозябра.

Запах поплыл снова. Я прикусил язык, сильно, до крови. Наплевать на возможный сепсис, мне тут грозит помереть ужасной и мерзкой смертью. С не менее отвратительным к

ней вступлением. Так что лучше вывести ее из себя и заставить уकोкошить побыстрее.

– И давно ты так не веришь в охотников?

– Да какая разница? – Она вернулась, цепко взяла за щеки, сжала, потянула к себе. – Хотя... последние три года. С тех пор как ушла из Челябины в эту глушь. И не дошла. Но тебе оно все равно уже не нужно.

Ну да, можно и так сказать. Разве что... разве что теперь в моей патовой ситуации появились новые нюансы. Спасибо луне, спасибо удару по морде лица.

Оружие стоило убрать дальше, это во-первых. Рукоять револьвера я заметил не так и далеко. Во-вторых, после удара пришлось чуть откатиться и нащупать под спиной что-то жесткое, ребристое и явно металлическое. А руки мне скрутили какой-то трухлявой ерундой навроде вожжей. Ну, скажите, пожалуйста, сколько продержатся вожжи вне крыши и сухого воздуха?

То-то и оно. Разве что двигаться сильно и резко у меня не получится. Ну, и ладно. Этой дохлой дамочке явно хочется поговорить. Дичь какая-то... Но на руку. Женщины, как известно, любят ушами. Вот и полюблю ее уши, точно.

Чертов дурман снова раскатился по подвалу. Но насколько наглая стервь, а? До села всего ничего, а она, потеряв двух слуг, плевать на это хотела. Хотя, чего уж там, селяне сами виноваты. Трусить все горазды, а вот как дело доходит до побороться за жизнь, то... амба. И ладно бы свою, взрослую,

прожитую худо-бедно, но полно. Но дети же, дети!

Она замерла, смотря на меня. Наклонилась, неожиданно оскалившись. Вот так поворот, неужто чертова сука меня расхотела? Тучи вновь заслонили луну, в подвале стало хоть глаз выколи, как темно. Упыриха, только что стоявшая у своих гнилушек, размазалась еле заметной тенью. Я втянул воздух, стараясь уловить ее движения. Чем-то чиркнуло по руке, да так аккуратно, что мясо осталось целым. Хотя, почему чем-то?

– Хочется жить? – Она провела черными острыми ногтями по рукаву, тут же расплзшемуся длинным разрезом. – А?

– Кому же не хочется-то? – Голова оставалась тяжелой, и жутко пересохло в горле.

– А не лез бы ко мне, все осталось бы как есть. Прожил бы себе долго и счастливо... возможно. Нашел бы себе бабу, завел бы детишек. Так нет, надо таким как ты обязательно пытаться жить другим.

– Я детей не ем. Наверное, поэтому ко мне и не лезет никто.

– Ну-ну... – движения было не уловить, тонкие и острые клыки щелкнули у уха, коснулись шеи рядом с пульсирующей под кожей кровью. – Страшно тебе, ой, да как сильно-то...

Страшно? Очень. Особенно, когда рядом такая, как она. Смертельно опасная. Пахнущая чем-то сухим и резким. И кровью, ввевшейся в ее кожу, язык, губы и зубы. Сдается

мне, что накатывающей паники могу даже и обоссаться.

Уловить ее движение в полутьме сейчас казалось практически нереальным. Даже такому засранцу, ошастливленному природой и геномом, как я. Луна чуть прорвалась сквозь тучи, дала хотя бы немного увидеть взвинченное чудовище.

Узкие щелочки зрачков совершенно неуловимо оказались прямо перед моим лицом. Пахло густой смесью из её рта, и сдержался только из нежелания показать твари свою слабость. Сблевануть, в смысле.

– Что, охотничек... – она фыркнула. – Дорога тебе твоя жизнь, а?

Жизнь... А ты сама-то как думаешь, а?

За ее спиной мелькнула темная тень, а упыриха развернулась на месте, крепко приложив неугомонного дурня Мастерка прямо по голове. Куда ж ты полез, дурачок деревенский, наивный сельский юноша?

Тварь поддала ему ногой в живот, выколачивая воздух из легких. Мастерок согнулся в три погибели, корчась на досках, кашляя и опустошая желудок. Она схватила его за шею, подняла, легонько, как перышко, одной рукой, приблизив свое лицо к его.

Зеленоватый свет скользнул внутрь, освобожденная луна любопытно глянула вниз. Мастерок, побелевший и пахнувший собственной мочой, тоненько заскулил, увидев оскал собственной смерти. Хрустя хрящами и шелкая связками и самой нижней челюстью, пасть твари распахнулась до

неимоверных размеров. Я выдохнул, напоследок как следует проведя связанными руками по металлическому ребру за спиной. Лопнуло, и мне оставалось только попробовать успеть спасти парня. Или убить эту суку.

Нож, закрепленный на спине, чуть выше лопаток, лег в руку легко. Сталь свистнула, крутанулась в полете и звучно чмокнув вошла ей в глаз. Упыриха завопила, отшвыривая Мастерка и кинулась ко мне. А я, само собой, кинулся к своему револьверу. Вцепился в рубчатую рукоять, разворачиваясь к ней... но она успела первой. Когти ударили по много-страдальной руке, совершенно уничтожая рукав куртки, наплевав на толстенную кожу специально нашитой манжеты. Больно, черт, очень больно!

Револьвер полетел в сторону, я в другую, тварь взлетела вверх и приземлилась прямо на мою спину. Ударил локтем назад, пытаясь сделать хотя бы что-то, а взамен получил добрую плюху в голову, лбом впечатавшись в пол. А она снова заорала. Только теперь явно от боли. Дуплет ружья Мастерка грохнул просто оглушающе, перебивая визги. Ее перекинуло через меня, бросив в угол к гнилушкам. К последнему маленькому тельцу, лежавшему там же.

А я схватил револьвер и начал стрелять. Все семь пуль в две точки. В голову, в голову, снова в голову и еще раз туда же. И еще три в грудь, в чертову мускулистую хрень, гонящую ту черную дрянь, что питает чертовы организмы некроидов. Да-да. Доцент, теперь я тебе верю полностью.

Когда дым от сгоревшего пороха рассеялся, мне хватило ума и сил добраться до ребенка. Но, как и думал, все же оказалось не совсем поздно, но... Девочка спала мертвым ледяным сном. И кто проснется в ней? Этого я не знал.

Луна светила вовсю, радуясь разошедшимся тучам. Мастерок, белея повязкой на голове, старательно промывал мою руку. Ее еще жгло от уколов из ампул, купленных в Гае по рекомендации Доцента. Надо обеззаразить, да по сильнее. Спирт жег рваные длинные куски мяса и кожи ничуть не меньше. Моя аптечка, не особо пострадавшая в переделке, радовала все сильнее. Часть спирта мы с этим азартным молодым человеком употребили до процедур медицинского свойства.

– Ты его как так тихо укотрупил? – кивнул на уже вонявшего все сильнее дохлого третьего упыря. – А, малец?

– Так топором же, – Мастерок виновато улыбнулся, – он вышел ничего не опасаясь. Ну, а топором же меня...

– Отец научил работать, как мог забыть, м-да. – Я довольно кивнул. – Слушай, паренек, а что ты здесь забыл после всего этого?

– Ты возьмешь меня с собой? – Ба, да он радуется, дурачок молодой. – Правда?

– Крест на сердце, ага...

– Чего?

– Возьму, говорю. Сам видел – один в поле если и воин,

то когда есть огневая поддержка. Мастерок, вот ведь.

– Чего?!

– Говорю, будешь умницей, станешь Мастером.

– А тебя как звать-то?

Черт, ну как так? Он меня спас, не дал превратить в тушу, выпотрошенную, как на скотобойне, и все равно полон восторга и восхищения. Сельские нравы, простые и наивные, точно.

Треснув и полыхнув фейерверком, крыша, ее остатки, с грохотом ввалились внутрь, сложившись в странную, геометрическую фигуру. Малышка, оставленная внизу, прости меня... нас. Теперь уже нас. Нельзя позволить вернуться тебе назад в село. Пусть и населяют его одни трусливые паскуды. Никак нельзя.

– Так как?

Я посмотрел на него, неуверенно топчущегося рядом.

– Как, как... Мэдмакс меня зовут. Повторить по буквам?

Запретный лес (цикл «Охотник за головами»)

Коня ему пришлось оставить в пограничной деревеньке у Зеленой заставы. Толку от бедной животины здесь, под густыми плотными кронами и земли, повсюду вспученной корнями, заросшей густым подлеском и кустарником? Если только тихо идти сзади, по еле заметной тропке. Да и заметная-то она только из-за проводника, сморщенного ушастого грибка-старичка, нанятого за деньги, равные покупке хорошей коровы. Да даже с телком.

Дедок, даром, что в жидких седых волосах за ушами охотнику привиделась чуть ли не плесень, бойко топал вперед. Да так, что порой Освальд разве что бегом не бежал. А как раз это-то здесь следовало делать внимательно, если сноровки нет. Корней, неожиданно вылезających из-под земли, вокруг хватало. Как и поваленных временем старых деревьев. Это ведь запретный лес Квист, из которого очень часто не возвращаются. Да и ходят в него не очень часто. Освальду выбирать не приходилось.

– Здравствуй. – Гриф рукавом дорожного кафтана желтой замши смахнул на пол крошки, не дожидаясь прихода служанки, полноватой девки с немного глуповатым лицом. –

Как всегда вовремя и, как обычно, ты мрачен.

– И тебе здравствовать. – Освальд положил на стол перевязи со шпагой и даго. – Мне следовало улыбаться, получив твое приглашение? Так я и мечтал попасть не на постоянный двор где-то в глуши, а на виллу кесаря Солнца с дегустацией вин из императорского погреба и нескольких восточных невольниц, так и ждущих, чтобы меня ублажить.

– Что ты находишь в женщинах оттуда? – Гриф сурово посмотрел на наконец-то додумавшуюся подскочить служанку. Потянул носом. – Вина, только лучшего. Так, насчет еды... Моему другу мяса, а мне... а мне каплуна. С травами и орехами.

– А если я тоже хочу каплуна?

– Двух каплунов. – Шпион оказался в образе аристократа откуда-то с Нортумбера, и явно решил не жадничать по своему обыкновению, цепляя маску купца. Кафтан-то пусть и из замши, но с какой отделкой? Даже плащ, с подбоем из мягких черных шкурок на шпионе, чаще всего скромном, выглядел до неприличия дорогим. – Если тебе нужны настоящие невольницы с Востока, я готов тебе их предоставить.

– Спасибо, сам разберусь. Как самочувствие, служба?

– Не жалуюсь... – Гриф брезгливо покосился на плешивого кота, решившего потереться о его сафьяновый сапог. – Староват стал, суставы болят в непогоду. Служба служится, хотя бывают всякие в ней моменты. Некоторых приходится потом ловить по всем Вольным городам, к сожалению. А они

потом еще и пытаются отмалчиваться, пакостники. Не дать ни взять – нашкодившие школяры.

– В аптеке Ниросты, той, что у красных ворот, делают хорошую мазь из барсучьего жира и змеиного яда, говорят, помогает.

– На суставы намазывать, или растопить и заливать во все отверстия для развязывания языков?

– Думаю, что сам разберешься. – Освальд подождал, пока женщина протрет у них на глазах стаканы и забрал у нее бутылку. Вино, темно-красное, с запахом терна и можжевельника, лениво скатывалось по почерневшей серебряной стенке. – Твое здоровье, Гриф.

– Твое, Освальд. – Шпион покатал вино по рту, проглотил. – Надо же, неплохое. И все равно морщусь, да?

– Это уж у каждого свое, что и сказать. В следующий раз закажи мне пива, не так потратишься, да и самому может быть вкусно. Если знать, где его покупать.

– Да? Посоветуешь что-то?

– Обязательно... – Освальд покосился в сторону трех ребят, приехавших с Грифом. Почему-то он не сомневался в том, что их куда больше. Гриф остался верным себе, окружая себя разнокалиберной дорогостоящей мразью, умеющей убивать как никто другой. – Смотрю, опять поменял себе гвардейцев?

– Да нет... – Гриф недовольно зыркнул на служанку, снова забывшую про заказ. Девки тут же и след простыл. – Часть

во дворе, свита, оруженосцы и прочее. Десяток, просто так не спрячешь.

– Интересные у тебя новички. – Освальд поскреб щеки и подбородок, крепко заросшие рыжеватой щетиной. – Кайлига Ономассер, тощий ублюдок, убивший о прошлом годе барона Мелса из Бретоньера в отместку за оскорбление. Шуточное, если уж разбираться. Судом магистрата приговорен к смерти через повешение, с предварительными вырыванием ноздрей и поркой. Мастер фехтования, бывший офицер латников Доккенгарма.

Освальд перевел взгляд с щуплого и подвижного бывшего военного на крепкого и не улыбочивого парня с одним глазом и его соседа, чернявого бородача с длинным и страшным шрамом, уходящим концом в смоляную метлу, спадавшую на грудь. Отхлебнул из стакана, продолжив:

– Керт из Кременца, единственный относительно честный наемник из трех. Тоже не без греха, в прошлом году насильно забрал от паломниц девушку, только принявшую постриг и шедшую в свой монастырь. Изнасиловал ее, сейчас та работает у отца Крёгера в канцелярии Огненной палаты, как ни странно. Получив специальное благословение, да уж. Наводит страх и ужас на подозреваемых в ереси и плотских грехах, носит серый плащ с красно-золотым крестом поверх доспехов. А Керт с тех пор опасается священников и их собственной стражи. Третий...

– Черный Ормузд, полукровка, отец из гвардии Халифа-

та, мать – одна из последних аль-шатани Востока. Кто из них кого изнасиловал неизвестно даже их ублюдку. Спасибо, Освальд, ты мне еще раз напомнил о моральном облике моих людей. Вот только я теряюсь в догадках – для чего? – Гриф поправил очки.

Освальд пожал плечами, отодвинулся, позволив служанке поставить блюдо со шкворчащей жиром птицей.

– Я и сам не лучше их.

– Разве что мне ни разу не приходилось слышать, чтобы ты кого-то насиловал. – Гриф с хрустом отломил ножку, помотал ей в воздухе. – Ты это к тому, что, несмотря на разное положение – мы с тобой равны в плане налипшей на нас грязи?

– Вроде того, – каплун оказался зажарен великолепно. – Для чего ты меня нашел?

– Надо бы заняться одним неприятным типом. – Гриф пожал плечами. – Все как обычно.

– Кто он, как зовут? И почему ты приехал сам, не передал через посыльного? Я останавливался во всех обговоренных точках в необходимое время.

– Дело тонкое, можно сказать, щепетильное. – Гриф промокнул губы оставленным служанкой полотенцем в жирных разводах. – Мне нужен этот прохвост, живым.

– Так... – Охотник откинулся на спинку стула, качнулся на ножках. – И еще вопрос, Гриф, а где он, ты говоришь, спрятался от тебя?

Шпион молча пережевывал каплуна, намеренно отхватив кусок побольше и явно растягивал разговор. Освальд нахмурился. На Грифа это никак не походило.

– Его зовут Тило Ноерми, он, э-м-мм, – шпион покрутил в воздухе остатком второй ножики. – Колдун, очень сильный. Да, возможно, что и морской, из того странного народца, жившего на севере, ну, знаешь...

– Знаю. – Освальд отставил каплуна и взялся за прожаренные свиные ребрышки. – Не народец, скорее клан, точно. Морские колдуны среди них рождались до первых походов ополчения Мученика, потом почти всех сожгли. А сами себя они почему-то потушить водой не смогли. Почему-то...

– Точно, так оно и было, запомятовал. – Гриф усмехнулся. – Хорошая у тебя память.

– Не отнять. Итак, потомок настоящих колдунов, это еще ладно. Где он?

– Квист. – Гриф последовал примеру Освальда, откинувшись назад и распустив пояс. – Ох, милая, насколько же хорошо готовит ваша кухарка. А не подскажешь...

– Обожди-ка, что ты сказал, Квист? – Освальд непонимающе посмотрел на шпиона.

– Ага... – Гриф поковырялся в ухе мизинцем. – Милая, а попроси поджарить мне еще колечко колбасы. Ты опасешься этого леска?

– Да, – охотник пожал плечами. – Из него очень редко возвращается кто-то из обычных людей, не живущих возле

него с детства. А те возвращаются через раз. Оно мне зачем надо?

– Ну... – Гриф снял очки. – Потому что ты сам решил работать тем, кем сейчас являешься. Охотиться на обычных людей тебя тянуло, но не так, как на всяких нелюдей. У меня вот тут в сумке есть копия нашего с тобой договора, показать?

Свиток из кожи, тисненной по краям золотом, казалось, сам возник в его руках. Освальд хмыкнул.

– Я слово в слово могу рассказать о том, что там. Дело в другом. И вовсе не в том, что по договору мне полагается выбивать долги из мошенников.

– В чем?

– Квист очень опасное место. Говорят, что в горах Карваш есть Хозяйка.

– Говорят. – Гриф кивнул головой. – Я не встречал.

– Мне доводилось. – Освальд почесался. – Еле живой ушел с перевала и потом отправился через море в Сеенхавен, кажется... Живой наполовину. Сколько таких, как она живет в этом лесу, не знаю. Дыма без огня не бывает, ты же знаешь.

– Понимаю. – Гриф положил на стол глухо звякнувший кошель. – Здесь только на расходы, оплата будет больше. Некого туда послать, охотник. Ушли уже три отряда, проверенные люди, солдаты Северного номеда. Не вернулись.

– Понятно. – Освальд потянулся. – Знаешь, почему я не

наплюю на наш договор?

– Потому что я приехал к тебе сам, надо полагать?

– Нет. Просто что-то беспокойно в последнее время повсюду. Странное ощущение, Гриф. Еще пять лет назад бабок-травниц в деревнях прятали от приезжих, и только в нескольких Вольных городах маги жили открыто. А сейчас наоборот, да еще как. Я вот только не понимаю, тебе-то какой резон выслеживать их?

– Хм... – Гриф покосился на Кайлигу, громко спорившего о чем-то с Кертом за соседним столом. Наемник, поймав взгляд командира, неторопливо, не теряя собственного достоинства, замолчал. – Резонный вопрос.

Освальд крутил в руке стакан. За время, прошедшее со схватки с Мясником, по поручениям Грифа ему приходилось делать многое. Сколько стерлось лошадиных подков и подошв с каблуками его собственных сапог, Освальд даже не хотел вспоминать. И кое-что он понял. Например, то, что кесарь-Солнце фанатик, ненавидящий магию в любом ее проявлении.

– Когда Тило в последний раз показался на северном берегу, там случилось много интересного. – Гриф отпил вина. Темно-бордовые капли повисли на аккуратно подстриженных усах и ухоженной бородке. – Например, погибло несколько рабочих карбасов рыбаков. С людьми, сам понимаешь. Одну из деревенок пришлось сжечь... вместе с оставшимися жителями. Какая-то непонятная эпидемия, до сих

пор не могу разобраться, что и к чему.

– Как могли непонятно погибнуть пусть и маленькие, но суда? – удивился Освальд. – Это же очень оживленный кусок моря.

– Выживший мальчишка рассказал про странную тварь, помесь акулы и кого-то еще. Сил Тило на большое не хватило и он ушел. В Квист, куда его зажали конные разъезды.

– Он же наверняка там и помер. – Освальд зубами потянул кусок мяса. – Квист запретный лес, там более, для малефиков.

– Не скажи, друг охотник... Квист это, в первую очередь, загадка. Громадная часть суши северо-востока, ограниченная только горами у Доккенгарма и Абиссы, и останавливаемая выжженными каждую весну и лето полосами по остальным сторонам. Ну и море, не пускающее этот кусок страшной древности. Вот именно из-за этого я им и заинтересовался. После той деревни рыбаки дрогнули, некоторые начали сниматься и уходить подальше.

– Понимаю. То есть кусок суши освободился?

– Нет, наместник Номеда не дал Квисту такого шанса. Хотя и пришлось ослабить границы.

– Очень мало знаю про этот лес, Гриф. – Освальд откупорил вторую бутылку. – Практически ничего.

– Я тоже, Освальд. Из имеющихся источников в архивах Его величества вытянуть можно не многое. Куда больше мне рассказал наш с тобой общий знакомый из Сеенхавена.

– Старик один грустит?

– Да, спивается. Квист – странный и старый лес. В него стараются не заходить даже оставшиеся ночные эльфы. Что может тебя там ожидать, не знаю. Вот здесь описание нужного тебе проводника, не смейся, когда встретишь его. Говорят, что лучше не найти. Берет прилично, в других краях за эти деньги можно нанять банду головорезов.

– Я понял. Ты хочешь, чтобы Тило оказался у тебя живым? Для чего?

– Показательно казнить его в Северном номеде, на побережье. Чтобы рыбаки знали о том, что империя их защищает.

– Благородная цель.

– Очень. Кормить войско наместника чем-то надо, и лучше уж рыбой, чем солониной и сухарями. Каждый день, когда карбасы не выходят в море, наместник тратит золото на покупку провианта про запас. Перерасход казны кесарем не приветствуется.

– Понятно. Беспokoишься о территориях империи и их жителях?

– Какая разница? – Гриф пожал плечами. – Когда отправляешься?

– Поутру, как выплюсь. Ты заметил, что хозяин смотрит на нас испуганно?

– Сразу же, как остановился, так и заметил. Скорее... настороженно. Вряд ли ты тут поспишь. Спрятать талисманы

с ворот он не успел, так что, скорее всего я найду причину и спалю это место.

– Ты жесток, Гриф.

– Не больше чем сам хозяин. На тракте уже пропало несколько небольших обозов, в основном с женщинами и детьми. А запах топленого человеческого сала ни с чем не перепутаешь. Порой можно сделать что-то благородное просто так, из хорошего настроения.

– Правда? – Освальд покосился на начавшийся во дворе гомон и стук копыт вновь прибывшего отряда. Выглянул в окошко. – Что, интересно, делает здесь местный инквизитор и его люди?

– Кто знает... – Гриф кивнул наемникам за соседним столом. В воздухе свистнула сталь, пробив горло бросившемуся к выходу золотушному кухонному мальчонке. – Наверное, какой-то добропорядочный поклонник веры Мученика и восставших Отцов отправил письмо с гонцом?

– И, правда, что это я? – Освальд усмехнулся кончиком рта. – А уж подружиться с инквизитором этому поклоннику сам Мученик велел.

Гриф не ответил, вставая и поворачиваясь к порывисто вошедшему внутрь высокому худому мужчине в плаще ордена Отца Петра поверх ребристой кирасы. Звякнули наплечники, украшенные алой эмалью и крестами, в тон отозвалась цепь с серебряным жетоном и длинный узкий меч у пояса.

Следом за ним внутрь втиснулись трое в плоских сталь-

ных шлемах и нагрудниках. У одного в руках, крепко стиснутое, смотрело вперед острым широким жалом с перекладной копьё. Его товарищи держали мощные арбалеты с двумя луками на каждом, широко разошедшиеся в последнее время. Освальд не удивился, заметив на льдисто поблескивающих наконечниках вязь надписей. Сталь для инквизиторов всегда делают с серебром, против нечисти и колдунов.

– Вы отправили мне гонца? – Сухой и жесткий голос каркнул в повисшей тишине.

– Я, ваше святейшество. Адольфус Кринкермайер из Шварценхаффена, отец...

– Оставьте! – снова рубанул воздух голос инквизитора. – Обращайтесь просто – брат Фоммель. Ваши люди?

– Да, мои спутники и охрана. Возвращаюсь с паломничества, совершенного по обету. По дороге мне довелось видеть многое, и понять, что и как здесь, в вертепе зла... – Освальд в очередной раз поразился изменению, произошедшему с Грифом. С воинствующим священником сейчас говорил не обо далекий барон с западного берега, принадлежавшего одной из Магистратур. – Подлецы не успели убрать свои демонические знаки, по которым, уверен, они узнавали друг друга. Осмелился окружить постоялый двор, оставив с собой только трех людей.

– Правильно поступили, Адольфус! – глаза инквизитора блеснули одобрением. – Не сомневаюсь, что мы скоро что-то найдем.

Освальд покачал головой и встал. Нацепил назад перевязи, надел шляпу. Не обращая внимания на нахмурившегося священника, тронул Грифа за плечо.

– Мейстер Адольфус...

– Да, друг мой?

– Мне следует поторопиться, супруга ждет не дожидается облатки из святого монастыря. Поеду я потихоньку.

– Ваш друг, Адольфус? – каркнул инквизитор. – Куда-то торопится?

– Супруга болеет, да, не иначе, как кто-то наслал наговор. Отпустим его, брат. Богоугодное дело его отсутствие нам не помешает совершить.

– Хорошо, – инквизитор потерял интерес к Освальду. – Так, хозяйина ко мне, и разведите огонь в камине. Что у нас там, кочерга? Ее в угли.

Трактирщик, кряжистый мужик с непривычно бритым лицом сам возник в низкой двери, ведущей на кухню. Вытер руки о жирный фартук, покосился на тело мальчишки в углу и, пошаркивая плоскими босыми ступнями, двинулся к инквизитору. Трое солдат инквизитора качнулись вперед, перекрывая ему путь.

– И зачем же, милостивый отец, потребна вам моя кочерга? – пробасил хозяин. – А?

Инквизитор нахмурился, глядя на него. Откинул плащ на груди, блеснула полоса, прочерченная мечом. Хозяин шахранулся к окну, вскинул руку, прикрываясь. Пахнуло рез-

ким звериным запахом, трактирщик зашипел через зубы, развернулся, прыгнув с места. Мелькнуло лицо, удлинившееся вниз, с безумными глазами. Щелкнула тетива одного из арбалетов, короткая стрела вошла точно под левую лопатку, разорвав темную от пота рубаху, бросая тяжелое тело вперед.

Темная, не по-человечески черная кровь неохотно начала растекаться по недавно выскобленным доскам пола. Арбалетчик шагнул вперед, опустив оружие. Предупреждение инквизитора опоздало. Длинная рука трактирщика, лежавшего мешком, дернулась, зацепив ногу за щиколотку, хрустнуло. Арбалетчик тонко взвизгнул, падая навзничь, оружие отлетело в сторону. Хозяин начал медленно подниматься. Не успел.

Плотный солдат с седоватыми усами, вооруженный копьем, уже стоял рядом и, отточенным движением, без замаха, пырнул жалом в спину. Натужно крикнул, надавливая сильнее, стараясь вогнать оружие глубже. Трактирщик задергался, заревел, когда сталь с глухим звуком прошла через мышцы и ребра, втыкаясь в доски. Инквизитор ногой отодвинул в сторону стонущего раненого. Второй арбалет дважды щелкнул, пригвоздив руки дергающегося создания.

– Ничему вас жизнь не учит, – каркнул брат Фоммель, быстро рубанув блеснувшим серебром клинком. – Все самому делать приходится.

– Хороший удар! – Гриф качнул головой. – Великолепный удар, не побоюсь этого слова, брат Фоммель.

– Только так, брат Адольфус и можно поступать со слугами демонов, и никак иначе.

Инквизитор брезгливо вытер сталь об рубаху бывшего трактирщика. Махнул рукой, осенив себя знаком Петра, быстро прошептал слова молитвы. Освальд прислушался к воплям со двора, чавкающим ударам, как будто кто-то рубил мясо. У Грифа, скорее всего, вокруг постоянного двора расположилось не меньше десятка людей. Те трое, что сидели во время разговора в зале, времени тоже не теряли. Давешняя девка пискнула за занавеской у кухни, чуть позже начала просить что-то плачущим голосом. Хотя почему что-то? Освальд прекрасно понимал – что она сейчас говорит и о чем просит.

Он сплюнул и пошел в сторону двери.

Гриф догнал охотника у выхода. Сжал локоть:

– Помоги мне, прошу тебя.

– Постараюсь, – охотник осмотрел двор. – Кур уже ловят, свиней, интересно, колоть будут, или как?

– Сожгут. – Гриф сплюнул. – Останки чаще всего кидают к ним.

– Точно, как я мог забыть... – Освальд натянул перчатки. – Гриф?

– Что?

– Мне нужно что-то от него.

– А, верно, – шпион покопался в сумке-кошеле у пояса. Протянул кожаный чехол. – Волосы, точно его, передал мой

человек. И грамота, для тебя.

– Это хорошо. Есть просьба.

– Какая? – Гриф покосился на одного из солдат инквизитора, деловито тащившего к плетню кухарку.

– Оставь в живых служанку, она хоть и тупая, но вряд ли что-то делала. Узор по рубашке, с таким ходят женщины из Белозерья, там нет ни одного подобного культа.

– А если она ей просто понравилась и та сняла ее с трупа?

– Рубашка старая, кто такую снимать будет? – тень от шляпы спрятала глаза охотника. – Хозяин не из людей, да и баба его, скорее всего, тоже. Остальные... местные, и наверняка все знали и помогали, но не она. Посчитай это моей блажью. Я привезу тебе Тило и передам в обмен на эту глупую бабу.

– Ох, и дурак же ты порой, охотник.

– Бывает, – согласился Освальд, отвязывая от коновязи Серого. – Я поехал. Ничего не забыл сказать?

– Нет. – Гриф развернулся и пошел назад.

До границы Квиста путь оказался не короток. Освальд решил не переправляться через залив Кердрек, прошел по узкой полосе, заселенной имперскими рыбаками. Побережье, практически не поросшее никакой растительностью, лежало под Северными горами, стеной поднимавшимися на западе. Светлый песок, темные полосы гниющих водорослей, приземистые низкие дома из валунов, с крышами из сланца. Длинные и широкие лодки, где вытянутые на берег, где готовые

уйти в море и покачивающиеся у пирса. Пепелище на месте одного из поселков Освальд проехал еще утром.

И не удивился, помня о словах Грифа. К магам, малефикам, ведьмам из урочищ с оврагами и даже колдуньям, в последнее время, относились без всяких смешков с ухмылками. Как оно бытовало еще лет пять назад, вместе с шарлатанами и фиглярами, катавшимися туда-сюда на повозках с разномастно-пестрыми тентами. Эти-то, кроме снятия и наведения порчи, гадания, приворота с наговором на падёж скотины, совершенно спокойно и магически вырезали вросшие ногти, нежелательных зародышей и куски дёсен с гнилыми зубами. Половина их пациентов умирала через пару-тройку дней от заражения крови с горячкой, половина оставалась калеками на всю оставшуюся жизнь.

В последнее время все поменялось. Тёмная Абисса, не расстающаяся со своими морскими ведьмами с самого основания, потешалась над всеми соседями, вдруг в полной мере вкусившими всех благ вернувшегося колдовства. И ему, охотнику за головами, неожиданно свалилась на голову очень странная, постоянная и опасная работа. И Освальд, сам того не ожидая, подрядился на нее.

Ему выпал шанс сменить относительно вольную жизнь на постоянный найм. Хозяин у Освальда появится такой, что не знаешь – радоваться или нет. Главный шпион Безанта в Срединных землях, один из трех людей, имеющих право давать распоряжения вездесущей Огненной палате, пусть и посто-

янно остающийся в тени. А работенка-то оказалась, ай-ай, не каждый возьмется. А он, подумав, взялся. Так было правильно, пусть и глупо. Для многих – просто глупо.

Что-то странное происходило в мире, что-то не очень хорошее. Сто лет назад, если Освальд правильно помнил услышанное, прочитанное и даже увиденное, пусть и в виде развалин, церковь Мученика и Безант практически стерли с лица земли большую часть имеющейся магии. И не только ее.

Любое учение, признанное ересью, любой местный божок, любая бабка, кроме лечения коров занимающаяся чем-то еще – вырубались, сжигались и забивались насмерть. Освальду уже доводилось слышать про кровавых псов, давивших инакомыслие и уничтоживших великие культуры, спаливших дотла чудесные образцы архитектуры прошлого. В основном так-то вот рассуждали зажавшиеся и богатые жители крупных городов, замков с целыми стенами и владельцы родословной длиною поколений в десять, самое малое.

Там же, где охотник за головами проводил времени куда больше, на разбитых временем и очередной войной старинных мощеных дорогах, торговых путях, проложенных тысячами колес и копыт, едва заметных тропах и тропинках, за невысокими частоколами глухих деревень, в полуразрушенных небогатых поместьях и городках, где пьяная драка становилась побоищем, думали иначе. И говорили тоже.

Здесь хорошо знали цену ночной тишины, спокойствия и

страха, продирающего до костей, лишь на землю спускается темнота. Тут не вспоминали о красоте статуй в Твинн-Эйле-Блоод, земле квельдов, пропавших в одну неделю. Нет-нет, жители лощины, освобожденной от вековых зарослей черных вязов, лежащей у подножья Синих гор, до сих пор передавали тихим шепотом другое.

Про костры, поднимавшиеся огнями до середины деревьев, костры, наполняющие округу запахом паленой кожи и волос, сладковатым ароматом печеного человеческого мяса. Про сетку-покрывало, скрывающую, до поры до времени, темную бронзу фигуры Эйле, матери и супруги богов-близнецов. Покрывало менялось каждое солнцестояние, а надлежало его делать из волос девушек, чистых и нетронутых. Причем волосы должно было снимать вместе с кожей... и на живую.

А сам он, после тварей Волчьих оврагов, Мясника и встреченного подменыша троллей, как-то незаметно занял сторону тех самых кровавых псов. Все просто и незамысловато, на самом-то деле. Люди, пусть и не все, были охотнику за головам ближе и дороже. Вот потому Серый, старый-добрый и уже уставший его жеребец, неторопливо шел вдоль постоянно видимой серо-зеленоватой полоски моря.

В этих краях Освальд еще ни разу не работал. Хотя многое и казалось знакомым. Свежий, чуть горьковатый воздух с моря, неприятный запах от груд рыбьей требухи, гниющей у сараев для разделки и засолки. Крепкие, кряжистые лю-

ди, безусые мужчины с широкими бородами, полощущими по ветру. И женщины, широкобедрые, с сильными руками, в штанах из рыбьей кожи под теплыми шерстяными юбками. Высокие сапоги и широкополые, низко надвинутые шляпы у каждого и каждой, нож на поясе, шрамы от крючков, лопнувших сетей и ударов морских обитателей на лицах, выдубленных ветром, солью и морским солнцем.

Вдали, посередине залива, постоянно скользили взад-вперед два больших шлюпа, идущих на парусах. Весла в уключинах тоже виднелись. Ветер трепал белое полотно с красным солнцем Безанта. Гриф несколько не обманул по поводу осторожности наместника, сейчас старающегося исправить допущенные оплошности. А народ, живущий по берегу, боялся, это бросалось в глаза на всем трехдневном пути.

Вчера Освальд остановился в большой деревушке, у которой заканчивался большой ухоженный тракт, и начиналась полоса проселка, идущего по дюнам и петляющего вдоль всего побережья.

Удивляться рыбе на первое и второе не приходилось. Тем более и готовить ее здесь умели. Пока охотник ложкой хлебал густую похлебку, в которой плавали разваренные куски какого-то местного морского чуда, к нему успел подсесть староста. Не спрашивая, налил себе и гостю крепкой, на перце и травах, водки. Освальд не отказался, махнул ее залпом, прислушиваясь к ощущениям.

– Здравствуй, мил человек. – Голос у рыбака оказался под

стать крепкой массивной фигуре, густой и чуть хрипловатый. – Далеко ли путь держишь через наши края?

– И тебе здоровья, уж не знаю, как тебя зовут. А почему думаешь, что не к вам?

– Да чего такому душегубу у нас делать-то? – неподдельно удивился староста. – Кого ты тут искать можешь, позволь спросить.

Освальд улыбнулся, не удивляясь рассуждениям старосты. Если уж разбираться, то делать в этих краях ему и впрямь нечего. Рыбак из него, как из вот этого морского окуня красная рыба к столу местного дюка.

– Дальше еду, к горам.

– Дивные дела... – староста набил короткую трубочку, затянулся от тут же поднесенной хозяином лучины. – В ту сторону только что проклятый лес.

– Вот туда я и еду, – Освальд отставил свою миску. – А тебе для чего про меня что знать, уважаемый? Никого вроде не трогаю, за ужин рассчитаюсь, не переживай.

Староста пододвинул к нему плоскую тарелку с жареной в ягодах камбалой.

– Не трогаешь-то, оно, конечно, так. Да кто ж тебя знает, что дальше делать начнешь. Ты, мил-человек, не обижайся. Но к двери комнаты твоей поставим ребятишек. Ежели чего ночью чудить вздумаешь, так не обессудь, у нас такого не любят.

– А что входит в чудить? – поинтересовался Освальд, от-

рывая плавник с хорошим куском мяса. – А?

– Книгами всякими ненужными шелестеть, свечи палить почем зря, рисовать углем на полу и стенах всякие богопротивные вещи и прочее, ну...

– Точно, и как я не додумался сам? – Вкусной камбалы Освальду не расхотелось, но разговор со старостой стал важнее. – А вы, уважаемый, как понимаю, здесь представляете и светскую, и духовную власти?

– Чего? А, вон ты про что, мил-человек. – Староста залез пятерней в бороду. По стенке неожиданно выросло сразу несколько «ребятишек» с короткими зубатыми острогами в руках. – Ну, разве что и так.

– А не боишься, староста?

– Чевой-то мне бояться, ты уж подскажешь, может?

– Да что донесет кто-нибудь на тебя за такое самоуправство? Господа инквизиторы страх как не любят, когда кто-то сует нос в их дела, да еще и без ведома.

– Хм... твоя правда. Вот только, кто ж им донесет-то, а? Уж не ты ли?

«Ребятишки», стоявшие по стенам, разом качнулись к ним и тут же встали. Освальд паскудно улыбнулся и встал, держа в согнутой руке короткий арбалет. Граненый наконечник первого болта смотрел в сторону ближайшего любителя остроги. Барабан под стрелковой частью не пустовал, оскалившись наконечниками еще пяти стрел.

– Отойдите к стойке, рыбачки... – Освальд кивнул голо-

вой в указанную сторону. – Вот так. Он у меня небольшой, но дырок в вас понаделает. Садись, староста, поговорим.

Староста еще раз поковырялся в собственной бороде и снова присел.

– На, читай! – Охотник бросил ему грамоту, полученную от Грифа вместе с волосами Тило. Читать староста умел, и чуть успокоился. Документ свидетельствовал о принадлежности Освальда к квесторам, исполнителям судебного волеизъявления в императорских номедах. – Расскажи, что у вас тут произошло. Тот человек, что якобы выгнал в море странную скотину, какой он?

– Его ищешь, мастер квестор? – маленькие глаза впились в лицо охотника. – Чего сразу не сказал?

– А для чего? – Освальд пожал плечами. – Рассказывай. Мне все знать нужно.

– Ты это, мил-человек, не сердчай. Как тебя звать-то?

– Освальд меня зовут, староста...

– Скрык я, значит. Так это, ты не...

– А я и не сердчаю, все понятно вроде как.

– Убьешь поганца этого, а? А мы тебе даже, слышь, скинемся.

– Его б найти сначала, а мне даже непонятно как он выглядит. Так сильно досадил что ли, чтобы убивать? – Освальд покосился на мигом появившийся рядом кувшин, из широкого горлышка явственно тянуло темным пивом. – Он оставливался здесь?

– Да... – Скрык снова почесался в бородище. – Досадил... Отсюда оно все и пошло дальше. За то нас некоторые соседи теперь и не любят. А мы, что, знали чтоль, каков он человек? Пришел в бурю, мокрый, голодный, холодный. зуб на зуб не попадался, одет в отрепье какое-то, разве что баба с ним хороша показалась, да...

– Какая баба? – Освальд отхлебнул из кружки предложенного пива.

Прислушивающиеся к разговору «ребятишки», все-таки пододвинувшиеся поближе, одобрительно зацокали языками. Видно, что спутница некроманта рыбаков впечатлила. Интересно.

– Она тоже холодная, голодная и мокрая была?

– Ну, а как еще то? – Скрык повел широченными плечами. – Насквозь вся вымокла.

– Да и ладно... – Охотник доел, наконец-то, камбалу. Облизал пальцы и вытер светлым и чистым полотном с вышивкой. Рыба оказалась безумно вкусной. – Так как он выглядел?

– Да, как сказать-то... так, не шибко крупный, хотя и высокий, да... – староста поскреб толстым желтым ногтем нос. – Волосищи длинные, жидкие, белые. Одет в какой-то костюм навроде нашего, что из кожи шьют, только старый и дырявый. Плащ, черный такой, явно дорогой был поначалу, с шитьем, да, золотым.

– Особые приметы какие-то?

– Да баба эта его, какая тут еще примета? Одета как портовая шляха, а один наш сунулся, так она ножик выхватила откуда-то, и располосовала его. Другого, что на помощь кинулся, ногтями по шее прошлась, как кошка. Тот и помер.

– Которого ножом она пырнула? – Освальд прикинул, что встречать в телохранителях девицу ему еще не доводилось.

– То-то и оно, мил человек... – староста помялся, – Что которого ногтями полосанула, значит, тот и помер, Рагул, точно.

Освальд покачал головой. Интересные дела...

– Лекарь наш его посмотрел, когда Рагул уже и не узнавал никого. Разнесло ему шею, как бревно стала, воняла, почернела. Заражение, как бывает, если за крючок невычищенный зацепишься, а на нем кусок угря остался, пузырь там, али еще чего похуже.

– Что произошло дальше?

– Ну так, значитца, то самое, это... колдунствовал аспид морской, да.

– Сразу колдунствовал? И как же вы ничего не сделали то?

– Дык это ж, мастер квестор, не сразу и сообразили, с неделю он тут жил, не иначе.

– И?

– Ну... а как потом та страхолюдина потопила карбасы, тык мы к нему. Первым делом, значитца и сунулись.

– И?!

– А его и след простыл. Ушли по следам пятеро наших, так

как из нас, рыбарей-то, значитца, следопыты? Как в Оувесте, ну, той, что жечь пришлось, все началось сызноа, так тогда солдаты с Раруга и прибыли.

– Что началось то? – охотник ощутимо начал злиться. – Мне так никто там, дома, и не рассказал.

– Дак, мастер квестор, как с ума посходили соседи-то. Хорошо, что солдаты как раз пришли, утихомирили их. Ополумели все, от мала до велика, кидались на всех, кто в деревню заходил. Да и чуть ли не гнили заживо-то, да. Мы ж с ребятишками туда пошли, с солдатами, значитца, на, вспомогнуть.

– Вспомогнуть? – Освальд усмехнулся. – Сколько лодок домой-то пригнали?

– Осподь Мученик с вами, мастер квестор, чтоб мне одних головастиков таскать и сельди не видеть, если вру. Ни одного ялика не взяли, отвел старина Даг...

Скырк поперхнулся, со страхом взглянув на сидевшего напротив человека с неприятной ухмылкой. Охотник только покачал головой. Как не старалась церковь и ее братья, искоренить в памяти старину Дагона здесь, мать Моуриг на западе или Триединую в Вольных городах, но получалось тяжело.

– И?

– Все спалили, мастер... – Скырк крупно вспотел, понимая, что квестору совершенно наплевать на его промашку. – Все-все, до головешек. Детишек только жалко стало, а куда ж деваться, когда они одного из солдат чуть до смерти не до-

вели?

– Понятно. – Освальд отставил кружку. – Я спать пойду, выезжать поутру. Ребятишек спать отпусти уже, не буду ничего плохого делать, устал.

Разговаривать со старостой было больше не о чем. Спать хотелось еще сильнее, и Освальд решил заняться отладкой своего ловчего «компаса» утром.

Сейчас он поднялся по плохой каменистой тропке, петлявшей между лесистыми взгорками, ведущей к указанной Грифом деревне. Побережье осталось внизу, уже еле видимое из-за тумана, густо севшего прямо с утра. Серый осторожно шел по скатывающимся к обочине гольшам. Подковы хрустели, перемалывая мелкие камешки, Освальд для себя отметил – следует не забывать перековать коня после такого путешествия. Прямо в деревне.

Стрелка-игла колебалась в синей жидкости, алея самым кончиком, неумолимо показывающим на северо-запад. Волосы неведомого Тило, сопровождаемого какой-то женщиной с внешностью, возможно, то ли проститутки, то ли городской модницы, вели его вперед. Освальд хмыкнул, понимая мысли мужчин из деревни. В последнее время спутать шлюху с горожанкой, подражающей увлечениям аристократии в одежде, труда не составляло.

Зеленая застава появилась перед ним высоким тыном, торчащим вверх острыми краями бревен и нескольких дзорных вышек. Освальда заметили раньше, и недвусмыслен-

но дали понять об этом. Хорошо заметная в белесой окружающей мути стрела, с горящей паклей у наконечника, воткнулась чуть впереди. Осторожные, ничего не скажешь. Охотник отпустил поводья и поднял руки вверх. Серый спокойно двинулся к деревне.

– Кто такой? – спокойно поинтересовался с надворотной площадки, украшенной рогами торчащих во все стороны обтесанных бревен, часовой. – Что надо, человек?

– А заехать нельзя? Помыться, поесть, попить, отдохнуть? – Освальду понемногу начало надоедать все непонятное и осторожное, творящееся на побережье.

– Можно, конечно, – часовой усмехнулся. – Только, путник, ты нам покажи свои руки с плечами.

– Я тебе кое-что другое покажу. – Освальд достал уже использованную грамоту и бросил ее вверх. – На вот, прочитай и запускай меня уже.

Часовой поймал тугой кожаный свиток, развернул, нахмурив густые рыжие брови. Борода топорщилась в стороны, закрывая половину кольчужного хауберка, закрывающего шею и плавно спускающегося от низкой железной шапки. Странновато, обычно на границах номедов Безанта военные стояли регулярные, экипированные немного по-другому. У этого же крепкого парня, больше всего напоминающего наемника, не было ни обычного салада, ни нагрудника. Кафтан из вываренной кожи, поверх него мягкий панцирь с нашитыми пластинками.

Хотя в хорошем воине главное не экипировка. Рядовой воин имперской когорты сейчас бы позвал начальника караула, а этот плевать хотел на все условности, самостоятельно изучая и грамоту, и путника. Поправил перевязь с мечом, махнул кому-то рукой. На стене рядом с ним простучало, скрипнуло кожей и звякнуло. Через несколько мгновений на Освальда уставилось сразу три арбалета с болтами на натянутых луках.

– Еще раз, мать твою, повторяю!!! – стражник перегнулся через тын, сплюнув и чудом не попав прямо в гриву Серого. – Кафтан с плеч долой и показывай руки, или я из тебя сейчас ежика сделаю!

Освальд спрыгнул с коня. Медленно расстегнул крючки длинных клапанов у куртки, снял. Порадовался, что не надел камзол, как собирался. С утра показалось очень свежо и он надел морской свитер, когда-то приобретенный в Доккенгарме. Стащил его через голову, стараясь не ежиться на ветру, повернулся к часовым одним боком, следом вторым.

– Красивые шрамы, – рыжий сплюнул снова, на этот раз подальше от него и коня. – Вон там на боку, часом не от бороны?

По левой стороне груди ему как-то прошлись странным подобием кистеня со звеньями. Длинные цепочки заканчивались крючками, крепко порвавшими тогда ему кожу и мышцы чуть ли не до ребер.

– Она самая... – буркнул Освальд. – Все увидел, что хо-

тел?

– Точно так. Открывай! – часовой стукнул по доскам настила коротким копьём с зацепом почти у начала ратовища. – Не обижайтесь, господин хороший, это Зеленая застава, здесь по-другому никак. Квист рядом.

Охотник не ответил, одеваясь. Ворота заскрипели, приоткрывшись ровно настолько, чтобы прошел человек с конем.

Того самого рыжего внутри не оказалось. У небольшой конюязи, где сейчас хрустели овсом в торбах дежурные кони, стоял вихрастый долговязый подросток, сонно зевающий и одновременно умудрявшийся жевать свежий, пышущий запахом рыбный пирог.

– За мной следуйте, гофподин квефтор, – прочавкал паренек. – Старшина велел ваф к командиру отвефти.

– Ну, веди. – Освальд осмотрелся.

Зеленая застава закрывала центр не такой уж и широкой полосы земли номеда, граничащей с Квистом. От моря поднималась к восточной оконечности запретного леса Морская застава, а от гор спускалась Северная. Ни на одной из них Освальду побывать пока не доводилось. Застава оказалась немаленькой, расширяясь от ворот, а в ее дальнем конце охотник насчитал шесть башен. Дома, срубленные из толстых бревен, теснились друг к дружке, практически без огородов или небольшого сада, как привычно южнее.

Утро еще только начиналось, но людей вокруг хватало. На Освальда несколько раз обернулись женщины, выгонявшие

из дворов скотину, ведомую тремя крепкими пастухами на поздние осенние пастбища. Но сильно никто не паялся, в отличие от той же самой рыбацкой деревни, оставленной позади. Кто-то колот дрова, кто-то с самого утра гремел железом за забором. Дом кузнеца, с уже открытыми воротцами, Освальд заприметил и постарался запомнить. Забывать о коне не стоило.

– Далеко еще?

– Да не, уже пришли, – провожатый справился с пирогом и облизал пальцы. – Вот он, высокий дом. Видите?

– Не проглядишь. – Освальд усмехнулся.

Не заметить жильё командира заставы оказалось бы сложным делом. Больше всего крепкий сруб в два этажа, огороженный высоченным частоколом, напоминал небольшой форт. Над крышей, двускатной, ветер лениво трепыхал белый стяг с алым солнцем. У ворот стоял караульный, с мечом у пояса, рогатиной и щитом.

– Этого господина сержант велел к командиру доставить, из самого Раруга квестор припожаловал, по важному делу! – выпалил провожатый, не дав воину даже открыть рта. – Пропускай!

– Вот грамота. – Освальд достал из чехла на поясе сильно мятый свиток, протягивая часовому. Тот зыркнул на четкие руны, нахмурил бровь и мотнул головой, пропуская вовнутрь. Этот, судя по всему, читать не умел.

– Я побежал! – Парнишка развернулся было, когда

Освальд поймал его за рукав.

– Зайди к кузнецу, скажи, приду сразу к нему, коня перековать. И, на-ка вот, держи!

Монетка блеснула в воздухе, тут же пойманная довольно показавшим в улыбке дырку вместо верхнего зуба мальчишкой.

– Его все тут балуют, мастер, и вы туда же, – недовольно буркнул часовой. – Идите уже к командиру, по лестнице наверх и сразу направо. Он встал давненько, как раз на завтрак вы успели.

– Это хорошо. – Кивнул Освальд, заходя внутрь прямоугольника из заостренных толстых бревен.

Привязывая Серого к коновязи он посматривал по сторонам. Прошел один из пограничников, судя по коротким порткам и растянутой рубахе, живущий здесь же. На плече он нес пучок дровиков, с толстыми шнурами, намотанными у самых наконечников. Освальд присмотрелся, понимая, что туго скрученные хлопковые нити, явно привезенные с юга, пропитаны чем-то горючим, маслом или воском. Ну да, что лучше всего подойдет в борьбе против леса, живущего странной жизнью, как не огонь? От коновязи наверх сразу же поднималось крыльцо. С той стороны глухо стукнула дверь, а шаги мягких сапог Освальд слышал только потому, что ждал их.

– Вы ко мне? – голос у командира заставы оказался на удивление молодым, как и он сам, впрочем. – Поднимайтесь.

Освальд не стал брать с собой поклажу, двинувшись за худощавым парнем с серьезными не по возрасту глазами. Из знаков отличия у того ничего не оказалось. Разве что выглядящий скромным большой кинжал на поясе таким только казался. Клеймо подземных оружейников Рура как всегда не бросалось в глаза, если не знать, куда смотреть.

Командир пригнулся под низкой притолокой, проходя внутрь просторной комнаты с открытым окном. Очаг в углу, огороженный кованой решеткой потрескивал наполовину сгоревшими поленьями явно для уюта. Через откинутые толстые ставни с бойницей тянуло свежестью. На столе, покрытом простой беленой холстиной стоял мед, молоко, сыр и масло в плошке. Сладкий запах, идущий из-под влажной тряпицы, выдавал свежий хлеб, щекотал ноздри.

– Меня зовут Комрад. – командир показал рукой на лавку, стоявшую рядом со столом. – Это у вас из кармана не грамота торчит?

– Да, – охотник протянул ему бедный свиток. – Я Освальд.

– Ешьте... – Комрад, приглашая, показал на стол. – Хотя, если хотите, могу для вас попросить пожарить яйца или принести кашу.

– Спасибо, молока будет достаточно.

Охотник сел, осматриваясь. Первое впечатление не обмануло. Командир заставы, как и его солдаты, оказался наемником, служащим империи за полновесные золотые. Не воин из кадровых когорт Безанта или местный уроженец, слу-

жащий в набираемых на присоединенных территориях легионах. Именно наемник, да еще, несмотря на свои, совсем небольшие года, прошедший длинный и весьма, следует сказать, удачный путь.

Оружие, висевшее по стенам, показывало этот путь во всей красе. Полный комплект безумно дорогих лат, собранных из стальных пластин в далеком Абраксасе. Медные окантовки наплечников, наручей и латной юбки говорили за это сами по себе, оружейники города славились умением соединять воедино несколько металлов. Закрытый шлем со сложным забралом, не иначе как сделанный по заказу где-то в Вольных городах. Клинки, длинный бастард, так любимый в Бретоньере, изогнутый ягр откуда-то из Хайдара или Драгоша, короткий «пробойник», скромный, без украшений, дополнительное оружие пехоты юга. А щит из тонкого, но прочного металла, окаймленный цветными шнурами, мог быть взят только на границе Халифата. Да уж, действительно хороший путь для двадцати трех – двадцати пяти лет. И сам парень не просто жив, но еще и цел.

– Я капитан Зеленой заставы. – Комрад положил грамоту рядом, но Освальду не подвинул. – Здесь ничего не сказано о деле, что привело к Квисту исполнителя судебных решений. Не поделитесь?

– Поделюсь. – Освальд поставил на стол глиняную кружку, не допив молоко. – Меня отправили сюда для поимки малефика по имени Тило Ноерми, не так давно устроившего

бойню в деревнях по побережью.

– К нам, сюда, для поимки малефика? – уточнил капитан Комрад. – К границе Квиста?

– Именно так. Вас что-то настораживает?

– Несомненно. – Комрад встал, прошелся до окна. – Посмотрите вон туда.

Куда именно смотреть стало ясно сразу. Узкое окно, закрываемое толстенными ставнями с прорезью-бойницей, выходило на стену, упирающуюся в границу Запретного леса. Малахитово-зеленая, несмотря на осень, полоса бросалась в глаза сразу. Темное живое море, даже на расстоянии казалось живым. Пятна желтого, бурого и красного, четко выделяющиеся на зеленом, постоянно двигались под ветром. А между Квистом, тянущемся в обе стороны, насколько хватало взгляда, и стеной заставы лежала выжженная земля с редкими чахлыми деревцами.

– Я знаю, о ком идет речь, – капитан дернул гладким подбородком. – Он сам, как и его спутник, прошли недалеко отсюда в бурю. У меня погибло двое патрульных, хороших ребят. Как они это сделали, никто так и не понял. Уже тогда дело казалось нечистым, да... Разъезды конных из Раруга не смогли их догнать, нас же никто даже не предупредил. К сожалению.

– С ним идет не спутник... У Тило спутница. – Освальд покосился на него.

– Это сейчас роли не играет. Хотя, конечно, обычная жен-

щина и Квист не всегда любят друг друга. Особенно если спутник и она сама никогда не бывали в нем раньше.

– Откуда вы это знаете, капитан?

– Оттуда же, откуда вы знаете о том, что они ушли именно туда. Вы идете по следу, а я эти следы, пусть и запоздало, читаю. В грамоте указано на то, чтобы я помог вам во всем и всеми силами. Как понимаю, Освальд, вы собираетесь идти в лес?

– Правильно понимаете, Комрад.

– Каково усердие и верность у служителей имперского правосудия... – капитан отошел к столу. – Насмотрелись? Присядьте, нам с вами нужно обсудить детали этого, м-м-м, похода. Вы имеете опыт поисков человека в лесу?

– Я имею опыт в поиске и поимке людей. – Освальд сел напротив и взялся за кружку. – А вот с лесами как-то не особо дружу, хотя доводилось бывать, и в разных. Но сейчас мне нужен проводник.

– Чихь.

– Что?

– Кто... Чихь. – повторил капитан. – Вашего проводника, квестор, зовут Чихь. В грамоте он упомянут немного под другим именем, но это неважно. Я найду его, хотя, как мне известно, последние несколько дней старик пьет.

– Старик?

– Это тоже неважно. Старик он здесь, а в Квисте просто Чихь, и, Освальд, мне бы хотелось, чтобы старик вернулся

на заставу живым. Что вы знаете про Запретный лес и что вас заставило идти в него за малефиком?

Освальд ответил ни сразу. Что-то, еле уловимое в голосе капитана, заставляло обдумывать каждое слово.

– Вас же что-то заставило командовать гарнизоном здесь? Каждый делает то, что умеет.

– Порой каждый делает то, что должен. – Комрад устался на Освальда чуть раскосыми, глубокого изумрудного цвета, глазами. – Почему мне кажется, что вы, Освальд, знаете про Квист только общеизвестное?

– Наверное, капитан, по той причине, что вы здесь хозяин, а я всего лишь гость, приехавший пару часов назад?

– Возможно... – Комрад замолчал. Освальд неожиданно посмотрел на него по-другому, увидев не обычного наемника, а кого-то другого. На какой-то краткий миг из-за капитана, продающего жизни и умение своих солдат проглянул кто-то неуловимо похожий на Грифа, следующего одному ему известной цели. – Я немного расскажу вам, Освальд, про лес. Слушайте, слушайте внимательно, что-то да поможет вам, надеюсь. Вон там за окном лежит полоса выжженной земли, в полтора полета стрелы длиной. Еще месяц назад там было практически три длины. Квист, как бы странно не звучало, живой.

– Архивы бывшего княжества Туангест говорят о борьбе с лесом еще полтора века назад. Больших успехов с того времени люди так и не достигли, не считая отвоеванного кус-

ка, на котором сейчас стоят три наших заставы. Вон там мы ждем новые поросли все лето, начиная с первого сухого месяца и до поздней осени. Каждый год на побережье нападают те, кто его населяет. Мы защищаем живущих здесь людей... Защищаем, как можем, а можем-то мы немногое.

В лесу сейчас живут несколько больших племен, хотя не все из них можно назвать человеческими, если не сказать большее. Именно они, лесовики, кажутся всем, незнакомым с лесом, главной угрозой. Народ Амра, народ Вётел, Кистеухие, Вороны и Болотные. Вон в том углу висят трофеи из Квиста, из тех экспедиций, где погибло в три раза больше моих людей, чем сейчас есть на заставе и тех, что сейчас в патрулях. Вас, квестор, заставляли снимать одежду?

Освальд кивнул, еще не понимая, почему за этим вопросом так явно просматривается ответ. Он подошел в тот самый угол, запалив одну из свечей, стоящих на полке очага.

Большая шкура зверя, никогда не встреченного им раньше, скорее всего похожего на огромного кота. Кошки таких размеров водились далеко на юге, изредка привозимые для зверинцев и устраиваемых подпольных боев. Пару-тройку охотник видел и сам, но такого зверя, действительно, ни разу. Серая колючая шкура, покрытая еле схватываемыми взглядом темными пятнами. Короткая голова с огромной пастью, украшенной двумя саблями клыков, плавно загибающихся к шее. Шкура, растянутая по стене и пришпиленная деревянными колышками между бревен, впечатляла.

Вокруг зверя расположились трофеи поменьше. Голова большой змеи... когда Освальд присмотрелся, то понял, что это не змея. Стеклянными застывшими глазами на него смотрело странно похожее на человеческое лицо что-то, покрытое чешуей и не имеющее волос. Повыше, раскрыв гладкий, матово отсвечивающий клюв, чернела перьями голова огромной птицы. Охотник поднял свечу, осветив этот угол, самый темный в комнате, лучше. Да... странностей, обитающих в Запретном лесу, хватило бы на несколько лесов поменьше.

Чего стоило кабанье рыло, украшенное сразу семью клыками, из которых каждый вымахал с рог хорошего быка. Или размеры плохо сохранившейся головы зверя, похожего на росомаху, но больше подходящей медведю.

Руки он заметил не сразу. Высушенные, с прекрасно сохранившейся кожей, они висели по краям, надежно приколотые гвоздями за кисти. И каждую, начиная от плеча и заканчивая запястьем, покрывали замысловатые петли зеленой, черной и голубоватой росписи. Татуировки, сделанные искусными мастерами, даже после смерти их владельцев, не потеряли своей красоты.

– Когда член племени становится воином, и убивает своего первого чужака, то есть одного из нас, мастер уже ждет его дома. Со своими костяными инструментами, молоточками, иглами и красками. Рисунок продолжают всю жизнь той, или того, кто убивает людей за границами Квиста. Имен-

но по этой причине вас попросили раздеться. Жить без них – позор для лесного народа... У каждого клана свой узор, и зачастую не повторяющийся цвет, – капитан оказался рядом также бесшумно, как и при их знакомстве. – Краски эти умельцы добывают из трав и кореньев. Вот эта рука принадлежала Грому, военному вождю ветви народа Амра. Три весны назад клан вырезал подчистую три деревни у самого края гор. Мы нагнали их в самом лесу, на переправе через Лыдистую. Помогло только большое расстояние между горами и Квистом. Лес не везде подходит так близко. А еще они несли с собой награбленное добро, оружие и запас мяса на зиму. Жителям тех деревушек не повезло.

– Погибнуть?

– Нет. – Комрад поправил одну из рук. – Народ Вётел не ест подобных себе, в отличие от сыновей Амры. Хуже только Болотные, эти ненавидят всех, да они и не люди, если разбираться. Вот таков Квист, квестор. На первый взгляд. Не бойтесь?

– На дальнем Юге есть люди, живущие родами и постоянно роднящиеся друг с другом. Несколько лет назад там был голод, и ничего не помешало им есть друг друга.

– Интересная жизнь у квесторов... – капитан усмехнулся краешком рта. – Даже на дальний Юг приходится добираться. Ну, да ладно. Я помогу вам с Чихом только потому, что боюсь этого малефика в лесу. Он остался жив, как и его женщина, и это плохо. Квист принял его, а если то, что говорят

про побережье и творение его рук правда... мало ли что он сделает здесь?

Освальд понимающе кивнул.

– Знаете, квестор, мне бы хотелось, чтобы у вас все получилось, и чтобы вы вернулись назад. Рисковать своими людьми, отправляя их с вами я не стану.

– Я и не просил вас об этом, капитан. – Освальд покосился в сторону оружия, оставленного у стола. – Мне достаточно только проводника.

– Если бы вы попросили моих людей, Освальд, или как вас там, я бы приказал посадить вас в яму. – Комрад погладил мех на большой шкуре. – Мне неизвестно, кто вас послал в Квист, но я уверен в одном...

– В чем?

– Это кто-то из серьезных и важных людей. Но даже и у них бывают промашки, квестор. Грамоту должен был подписать старший судья в самом Раруге и его помощник, ведающий правосудием в Туангесте. И если подпись старшего судьи настоящая, то вот Рольф подписывается чуть по-другому. Расскажите своему хозяину, когда вернетесь, что среди его людей есть кто-то ненадежный. Но... Освальд, мне почему-то кажется, что вы сможете сделать свое дело, и тем самым поможете мне заниматься моим.

Капитан отошел к столу, заложив руки за спину и отвернувшись от охотника.

– Там, на стенах, стоит четыре больших и старых бомбар-

ды, привезенные мною из Ниросты. И больше у меня нет ничего с огненным боем, и даже боевое пламя, что выжигает землю вместе с детьми Квиста, делаем здесь сами. Что поделаешь, в Безанте принято считать, что мы здесь сходим с ума и пытаемся обмануть чиновников, не говоря о самом кесаре, лишь бы получать императорское золото. Хорошо, что мне платят жалование для людей, и ко мне с охотой нанимаются рекруты, взамен павших.

Освальд усмехнулся, ответил, чуть погодя:

– Бомбарды в Ниросте не делают на заказ около трех десятков лет, и столько же не продают никому, кроме армии кесаря-солнца. На каждую уходило по несколько месяцев работы и они того стоили. Сколько тебе настоящих зим, капитан? И зачем тебе оно, такая жизнь? Почему ты просто наемник, живущий у Квиста и воюющий с ним вместо какого-нибудь легата, уроженца самого Безанта, занимаешься этим?

Комрад скривился ответной ухмылкой, поворачиваясь к Освальду. Гладкие темные волосы, прижатые обручем, он отодвинул с одной стороны, показав то, что и думал увидеть охотник. Мочки у уха не оказалось, а кончик его заострился.

– Мне около семидесяти пяти, Освальд. Я не чистый тилвег, или, как принято говорить здесь, эльф. – Комрад поправил волосы обратно, спрятав свое отличие. – Мало кого интересует этот вопрос, полукровок хватает, хотя нас, на самом деле, не так и много. Хотя моих чистых родственников, возможно, еще меньше. Но с Квистом боролись еще те мои

предки, чьих имен не знали самые старые хранители человеческой истории. И раз уж так вышло, то сейчас с ним борюсь я, выблядок и никому ненужный получеловек. Но уходить отсюда, бросать границу... мне даже не придет в голову, пока Безант не поймет, что Запретный лес всегда нужно держать в его границах. А ты, квестор, или кто ты там, передай это своему хозяину.

– У меня нет хозяина, капитан. – Освальд наконец-то допил свое молоко. – У меня есть только наниматель.

– Все равно.

– Как скажешь, – охотник поставил кружку. – Пока я не узнал ничего нового про Квист, капитан.

– Рассказывать бесполезно. – Комрад сел. – Понять хотя бы что-то про него можно, лишь побывав в самом лесу или простояв на стене заставы и уходя в патрули около года. Без этого остальное останется лишь словами, что покажутся ложью, или бабкиными сказками.

– Не хочешь попробовать? – Освальд усмехнулся. – Даже в бабкиных сказках, случается, есть доля правды.

– Возьми с собой немного боевого пламени, квестор... оно тебе может пригодиться. Лес и его жители боятся огня, за исключением того, что держат в корзинках с углями и используют для сожжения или пыток пленных. Хотя и самого леса хватит, чтобы развязать язык кому угодно. Я не такой мастер по распутыванию следов и тропок, как Чихь... так и есть, не стоит удивляться. Полукровка всегда полукровка,

именно из-за этого на моей стене висит доспех и шлем, а пушечные жерла смотрят на Квист.

– Хотя что-то подсказывает мне, что даже если Квист их и принял, то вряд ли они прошли глубоко. Смотри сюда... – Комрад открыл кожаный футляр, висевший рядом с ним, достал большую карту. – Вот отсюда, с гор, в лес уходит река Льдистая, здесь Буйная. Обе речки проходят через него насквозь, и сливаются в одно устье у моря. Между ними находится большой кусок топей, дальше него прохода чужакам Квиста нет. Вы с Чихом отправитесь именно сюда.

– Большие топи? – Освальд поморщился. Болот он не любил.

– Да. Выходить вы будете ночью, так что тебе надо отдохнуть. Проводника я найду сам.

– Мне бы с ним познакомиться, – охотник встал, опередив движение хозяина заставы. – Сложная экспедиция, все-му надо уделять внимание.

– Сейчас это тяжело. – Комрад снял длинный плащ. – Старика еще следует привести в себя.

– Как он сможет идти в лес, если пьет несколько дней?

Капитан удивленно посмотрел на него:

– Ногами, как же еще?

Не зная про слободу, лежавшую под стенами заставы, заметить ее было бы тяжело. Серого Освальд отвел к кузнецу, оставив поклажу в доме капитана. В сторону западных ворот,

ведущих к месту, где проводник Чихъ пил несколько дней подряд, они с Комрадом пошли пешком.

Застава, охранявшая границу с Запретным лесом, открывалась перед охотником все больше. Да, люди здесь жили с постоянным ожиданием нападения или боя. Заборы сильно смахивали на крепостной тын толщиной и высотой бревен, ворота явно откатывались только с усилием. Замеченные дети, поголовно ходили с ножами у пояса, да и игры их показались Освальду занятыми. Никакого тебе мяча или скачек верхом на палках. Сосредоточенные и молчаливые мальчонки с девочками деловито швыряли биты, выбивая городки с одного броска, дрались на толстых жердях или метали собственные ножи на спор.

Проходившие мимо женщины посматривали с одобрением даже на борьбу, затеянную крепкой угловатой девчушкой с плотным и высоким не по возрасту белобрысым паренком. Да и сама драчунья, сопя и кряхтя, поднималась с ободранных даже через плотную ткань широких штанов колен и молча шла на соперника.

– Весело у вас тут, как погляжу. – Освальд поймал взгляды нескольких серьезных детишек, внимательно рассматривающих необычные для них его собственные шпагу и даго. – Детвора вон вся при деле.

– Да... – Комрад поймал одного из них за руку, быстро осмотрел уже появившийся синяк на глазу и корку запекшейся крови. Мальчонка, семи-восемью лет даже не пикнул

под сильными пальцами капитана. – Быстро к лекарю на мой двор, глаз не должен заплывать полностью. Да, Освальд, здесь у них не то детство, какое есть в городах. Даже дети рыбаков живут куда веселее.

– Почему их родители не уезжают?

– У каждого из местных жителей свои счета с Квистом. – Комрад пожал плечами. – Да и это не самое плохое место из окрестных земель. Ты думаешь, что во время последней войны с Нессаром кто-то сунулся к нам сюда? Держи карман шире, таких дураков найти тяжело. Хотя Квист и золотая жила, но дураков не много. Слишком дорогим выходит его золото для чужаков.

– Золото?

Капитан непонимающе посмотрел на него.

– Я удивлен, нет, честно. Тебя отправили в Квист, не рассказав ни слова о том, почему здесь живут семьи, а не стоят одни только заставы с солдатами?

– И что же здесь есть?

– Хм... здравствуй, Рагнур. Да, открой нам, мне надо в слободу, – они уже дошли до ворот и те, не скрипя на огромных петлях, приоткрылись. – Большая часть трав, деревьев и кустарников, растущих в лесу, больше нигде не встречается. Равно как и грибы с ягодами, цветы, часть животных и птиц.

Ты знаешь про то, что желтая перстянка, добываемая на его южных опушках, и больше нигде, лечит сердечные болезни? Или корень златовласа, за драхму которого любой апте-

карь от Абиссы до Драгоша даст два его веса золотом? Потому что богачей, что залезают на самых дорогих и красивых шлюх, и бесполезно пыхтящих на них много, а златовлас можно искать только три недели в году. И растет его в Квисте очень мало. А одной этой драхмы перетертого и залитого зеленым вином корня хватит для твердого члена такого богатея на целый бордель. Да еще и останется немного для жены.

Вон там, в слободе, живет большая часть наших сборщиков. Это они, рискуя головой, ходят в Квист. А потом сюда приезжают люди из купеческой гильдии Безанта и скупают все заготовленное за лето, весну и осень.

– Платят, надо полагать, не особо хорошо? – поинтересовался Освальд. – Или все-таки?..

– Здесь на жизнь хватает, – сплюнул Комрад. – Особенно если...

Освальд не удивился замешкавшемуся капитану.

– Особенно если большую часть они отправляют контрабандой через горы прямо в Вольные города? Морем везти явно опаснее.

– Не без того, – капитан спорить не стал. – Но можешь передать своему нанимателю, что мне на это наплевать. Я уже говорил про собственные деньги, потраченные на бомбарды?

– Мне все равно. – Освальд снова не удивился. Странно было бы, если командир заставы, знающий про все и про всех, не получает свою долю. Странно то, что он делится с ним, в первый раз увиденным человеком. Да еще и не тем,

за кого себя выдает. Либо, скорее всего, Комрад не то, что не прост, нет-нет.

Капитан полукровка знал очень многое, и явно умен. Вряд ли глупый полу-тиллвег смог бы так долго быть тем, кем являлся. И, что еще более вероятно, немного догадывался о ведомстве, сделавшем поддельную грамоту Освальду. Либо просто полагал о том, что тот вряд ли вернется из Квиста и сейчас давал себе волю, выпуская все наболевшее.

– На окраинах леса растут лучшие деревья для постройки кораблей, тех, что ходят далеко за моря, – капитан остановился. – Древесина плохо поддается обработке, но и не гниет. Легкая и прочная, за нее одинаково хорошо платят и торговый союз Абиссы, и мореходы из Норгейра. Понятно, что Безант все забирает намного дешевле.

Белый воск черных пчел Квиста, Освальд, погружает в сон самых сильных больных. Их можно потрошить, кромсать на части, а они продолжают оставаться в небытие. Все это стоит безумно дорого, поэтому империя никогда не окажется от Квиста. И не спалит его полностью.

Вот только гарнизоны из регулярных частей ставить здесь бесполезно. Как и сыновья Запретного леса, представь себе, исконные обитатели этого клочка земли делятся на свои кланы и семьи. И никто из них не пойдет на сделку с воином Безанта и лучше уйдет отсюда, чем будет зарабатывать под их присмотром. С наемниками они договариваются, именно поэтому здесь последние сто лет меняются такие, как я.

– А как же, капитан, твои предки, так долго боровшиеся с Квистом?

– Мои предки делали тоже, что и я. – Комрад сплюнул. – Они не давали Квисту вырасти больше его пределов. Он страшен, но он же и необходим из-за всего, скрытого под сводом его деревьев, Освальд. Как лекарство, понимаешь?

– Отмерь одну драхму перетертого корня златовласа, и все хорошо. И даже Кхан Брасчеу, торговец специями из Пешта, за ночь заездит саму Серую Сашу. А это очень тяжело, потому как Кхан собственный член не видел уже лет... много, а Саша... это Саша. Отмерь ему три драхмы, и этого борова придется снимать с нее втроем. Мертвого... так?

– Хороший пример. – Комрад согласно кивнул. – Ты понял мою мысль.

Тем временем они уже дошли до тына слободы, если его можно было так назвать, глядя на соседа заставы. Хорошо, что хотя бы узкие ворота, в отличие от оставленных Освальдом за спиной, не стояли нараспашку.

– Нам с тобой вон туда. – Комрад показал на длинное низкое здание.

– Сложно не догадаться. – Освальд понимающе хмыкнул. Несмотря на то, что уже и не раннее, но все-таки утро, у крыльца белели три спящих тела. Капитан обернулся в сторону часовых у ворот, когда мимо них уже пробежали несколько наемников.

– Другое дело, а то распускаются, бывает, – проворчал Ко-

мрад. – Растащите их по домам, и назад, на посты.

– Те самые сборщики?

– Да. Шальные и кровавые деньги, от них никуда не убежишь.

Спорить тут тоже не приходилось. Освальд вспомнил все свое имущество, помещающееся на спине Серого, общую сумму золота и серебра, полученного за выполненные заказы, и не стал спорить. Да, кровавые, но очень легкие... потом, по окончании самой работы.

– Так... – Комрад пригнулся, заходя внутрь трактира, очередного на пути Освальда. – Осталось найти необходимого человека, и все.

Заведение встретило вошедших потрескиванием свечных огарков, поленьев в камине и запахом сгоревшего жира. Хозяин, пожилой бывший наемник, тут же оказался рядом. Позеленевший от времени медный браслет с имперским солнцем, плотно обхвативший еще крепкое запястье, говорил о роде бывших занятий сам за себя.

– Капитан?

– Чихь здесь?

– А куда ему деться-то? – хозяин хохотнул. – Вон там, лежит, спит.

Капитан прошел в дальний темный угол. Сел на лавку, наполовину занятую кучей тряпья. Куча, как рассмотрел Освальд, подойдя ближе, оказалась человеком. Комрад потыкал куда-то в нее рукой:

– Чихь, просыпайся.

Уклониться от блеснувшего ножа тиллвег сумел только благодаря врожденной нечеловеческой реакции. Сточенный на треть, но очень острый клинок безошибочно разрезал воздух рядом с его горлом. Капитан только покачал головой:

– Допьешься когда-нибудь...

– Тьфу, пропасть... – прохрипело тряпье, садясь.

Освальд присмотрелся, уже разглядев в тени от лоскутного одеяла сивую бороду и крупный нос. Оттуда же на него взглянули красные воспаленные глазки:

– А это что за чудо гороховое?

– А это, Чихь, твой наниматель. – Комрад благодарно принял от трактирщика кружку с парившим горячим мясным бульоном. – На, вот, выпей. Ты мне нужен бодро стоящим на ногах уже к ночи.

– Кхм... – из бороды на пол вылетел комок слюны. – Так к ночи же, капитан, дал бы еще поспать.

– Вставай. – Комрад встал. – Жду тебя к вечеру у себя.

– В лес пойдем? – Чихь глубже закутался в одеяло. Его заметно была крупная дрожь. – А?

– Ну не в море же ты плыть собрался, по рыбу?

– И то верно...

Освальд еще раз посмотрел на худые ладони, с четко видимыми сосудами, держащими лоскуты, и молча пошел за Комрадом.

– И он сможет прийти в себя? – вопрос он задал только

на улице. – Не верю.

– Да и не верь, – капитан на него не смотрел. – Он тебе нужен, без него не справишься.

– Хорошо. – Освальд зевнул. – Ты ж предлагал отдохнуть?

Охотник снова покосился на спину упорного деда, еще вчера вечером еле сидевшего на лавке, а сейчас топавшего без остановки с самой ночи. Шел Чихъ как заведенный, едва лишь только они вдвоем оказались под первыми деревьями Квиста. Плевал на темноту, такую, что хоть глаз выколи и отсутствие тропинок. Пёр чуть ли не напролом, да так уверенно и быстро, что Освальд за ним еле угнался поначалу.

Солнце уже начало проникать через плотный заслон ветвей, листьев и плотную паутину плюща, попадавшегося на каждом втором дереве. Чихъ катился вперед, ловко протекая под низкими толстыми нижними ветками, перекатывался через торчащие из земли корни и плевать хотел на странно густой ковер травы под ногами.

Бурая куртка с капюшоном, покрытая разноцветными пятнами, вьёвшимися в ткань навечно, так и мелькала перед глазами. Дед, полдня назад еле пришедший в себя после выпитого, легко загнал поначалу Освальда, привыкшего ко многому.

– Так... – неожиданно дед остановился. – Вот тут привал сделаем.

И сел на поваленный ствол, накинул на голову капюшон

и замер. Освальд сбросил с плеч лямки мешка, поставил рядом арбалет и выпрямился. Чиха рядом уже не было. Заметить деда, совершенно слившегося с густым кустарником, получилось лишь несколько мгновений спустя.

– Перепугался, чтоль? – дед коротко хохотнул. – Давай уже, доставай свою штуковину и сверяйся, правильно мы идем или нет.

Освальд только покачал головой. «Искатель» он проверял несколько раз, но Чихъ в эти моменты ни разу не оглядывался. Как старик понял его назначение?

– Я смотрел недавно, вряд ли отклонились в сторону.

– Как знаешь, – пожал плечами дед. – Отдыхай, пока можно. Вам, городским, с непривычки тяжело в лесу.

Вот сейчас дед оказался совершенно прав. Пусть и приходилось Освальду не просто прогуливаться по лесу, но и жить в них, но... Квист себя показал сразу.

– Да уж... – охотник вытянул ноги, прислонив к дереву рогатину. Капитан, перед самым выходом осмотревший его снаряжение, заставил Освальда пойти за ним в оружейную. Премироваться с ним было явно глупо, Комрад разбирался в том, что говорил.

В заплечном мешке сейчас, порой лениво перетекая, болтался в металлическом сосуде с замком на крышке густой состав. Боевое пламя, что делал на свой страх и риск капитан полукровка. Из своего оружия, проверенного и надежного, с охотником оказался только арбалет и длинный нож.

Но кольчугу, наплевав на слова Комрада, Освальд под куртку все же одел.

Взамен оставленных шпаги, даго и меча на поясе охотника сейчас висел короткий топорик, а рогатину он взял без сомнений. Простое и добротное оружие легко подходило и в качестве посоха, на случай, если придется лезть в болото. Да и против любого зверя, что и говорить, рогатина пойдет лучше копья или меча. Широкое и длинное жало, поперечина, кованые кольца и полосы на половину древка внушали уважение к мастеру заставы.

– Это, как тебя там, Освальд... – дед прожевал сморщенный сушеный плод, которых в небольшой сумке на поясе хватало с избытком. – Говоришь, колдуна ищем?

– Да, – Охотник поднял ноги по стволу, поморщился, когда кровь побежала быстрее. Ныл старый шрам под коленом. – Очень плохого и умного колдуна.

– Это плохо. – Чихь достал еще одну сморщенную черную жвачку.

– Да уж нехорошо.

– Нет, красавчик, ты не понимаешь, – дед покосился на него. – Если бы Квист его не принял, то он болтался бы на самом виду у заставы. На следующее же утро. Может, я его не заметил, не, не болтался?

В голосе деда, совершенно неприкрытая, проскользнула издевка. Освальд пошарил в поясной сумке, достал кусок сушеного мяса и начал жевать.

– Я не особо красавчик... и никто не болтался, – он посмотрел на Чиха. – Что означает – принял?

– Что теперь он где-то глубоко в пущах, – дед почесался. – И придется идти туда. А это очень нехорошо.

– Почему глубоко? – Освальд удивился. – Кто бы позволил ему пройти так глубоко и как он смог это сделать сам, без помощи?

– Верно спрашиваешь, красавец, – Чихь, явно решив не терять времени даром, достал небольшой точильный камень и принялся править свой изогнутый нож. Клинок, длиной где-то с половину его собственной руки, до этого охотник не замечал. А остроту его видно и так, бриться можно. – Все вы, с городов, красавчики, расфуфыренные дурачки, все до одного. Сколько вас мне довелось водить в лес, все вышли на одно лицо. Хотя нет... трое оказались не такими. Двое умерли практически сразу, совсем глупые. Один вернулся со связкой ушей. Подарил вот этот самый нож старому Чиху.

– Мне твой рассказ очень поможет поймать Тило. – Освальд слушал лес, пытаясь привыкнуть к нему. Пока не выходило. – Так почему он глубоко?

– Глупый дурень из города, – дед хихикнул под нос. – Что у тебя на спине, кроме мешка?

– Вода. – Большую, до краев наполненную флягу с ремнями, Чихь сунул ему в руки еще на заставе. – И что?

– Через половину следующего перехода нам попадутся первые родники. – Чихь полюбовался волнистым узором

стали ножа. – Не пей, или глаза твои станут сильно красными и лопнут, а язык станет черным и большим, вывалится изо рта, вот так.

И показал, вывалив до подбородка длинную малиновую лопату.

– Пить воду леса можно только через день пути, иногда дольше. Если бы твой колдун помер, птиц было бы видно еще с заставы. Тем более он не один, значит, стервятников слетелось бы много. Кружили бы над деревьями.

– А звери Квиста так не помирают, вблизи заставы?

– Не называй лес этим именем, – глаза деда прищурились. – Не стоит, поверь мне, красавчик. Он это не любит.

– Кто, лес?

Чихъ вздохнул.

– Да, да, глупый ты горожанин, лес. А звери... дети леса не боятся его воды, им она вреда не причинит.

– А...

Про отравленные родники Комрад ему ничего не сказал. Раньше слышать о чем-то схожем Освальду не доводилось. Квист точно не место для прогулок, надо же. В лесах у Синих гор, где ему довелось как-то воевать со странными созданиями, наполовину волками, наполовину людьми, тоже опасно. Но не так.

– Звери возле заставы практически не водятся. – Чихъ почесал подбородок, покрытый седой бородашкой. – Мелочь только, а на нее много птиц не слетится. Значит, красавчик,

ушел твой колдун глубоко в лес. Сам он не смог бы этого сделать, помог кто-то.

– Местные?

– Нет, местные вон там, за стенами. А здесь только дети леса. Зачем только он им? Какой этот человек колдун? Не лесной?

– Морской, вроде как. – Освальд пожал плечами. – Я иду за ним с побережья. Наслал какой-то странный мор на рыбаков. Кто выжил – взбесились, кидались на людей. В залив призвал какую-то странную зверюгу, то ли рыбу, то ли еще кого. Без разбора убивала тех, кто вышел за уловом.

– Я понял. – Чихъ встал. – Идем дальше, засиживаться нельзя.

И они пошли.

Перелезали через поваленные стволы, мягкие, трещащие изнутри трухлявой сердцевинной, полной жуков и личинок. Корни, свитые в тугие петли-ловушки, выпирали из-под земли, цепляли за ноги. Ветви у деревьев после окраины росли куда ниже, знай, успевай уворачиваться. Хватало кустарника, цепкого и густого. Освальд уже начал не замечать гнус, вьющийся вокруг. Под густыми кронами оказалось душно, пот ощущался всем телом, все первые часы. Потом запах притупился, отошел назад. Не сказать, что любое другое задание обходилось без него, но... даже на дальнем Юге рубашка не оказывалась такой мокрой.

Квист давил. Освальду постоянно приходилось огляды-

ваться, ощущая бегающие по спине жадные взгляды вполночи. Но и к ним удалось привыкнуть. Чихь пер напралом, и лес, казалось, обтекал невысокого ледащего деда. И мешал охотнику, старательно пытающемуся не отстать. Выходило, хотя и с трудом. Квист ни на минуту не давал забыть о себе.

Хотя, памятуя о странном составе, что Чихь заставил растереть по телу, особенно подмышками, в паху и между пальцев ног, Освальд удивляться перестал. Да и запах, появившийся сразу после первых шагов, явно возник не сам по себе. Чихь, первый раз проигнорировавший вопрос, смилостивился при его повторе:

– Люди леса ждут внутри дебрей тех, кто идет со стороны застав. – Старик харкнул себе под ноги. – Никто и никогда не заходит сюда по одному и тому же месту. Людей леса не так много, обмануть их можно. Ты пахнешь так, как пахнет лютобой, с ним мало кто захочет связываться.

– Кто это?

– Зверь. – Чихь пожал плечами. – Очень лютый.

И, правда, как Освальд сам сразу не догадался. Лютобой, так лютобой. Вот если бы костогрыз какой, так хотя бы обидно было. А так...

Деревья росли густо и плотно, переплетаясь между собой, закрывали серую хмарь неба. Названия большинства Освальд не смог бы назвать, даже изучая ботанику в институте Сайентолль. Слишком старый лес, слишком древний и опасный. Смешные ребята, почитающие себя учеными му-

жами, сюда вряд ли добирались. Мало кому захочется пойти на прокорм неизвестному виду хищников или человеку, не признающему ничего кроме собственных законов. Хотя, подумалось Освальду, уж кто-то, а умники из Безанта сюда доберутся. А если не захотят, то кесарь-Солнце их явно заставит.

Изумрудно-зеленое, грязно-серое, охряно-желтое и красно-багряное море вокруг волновалось и жило само по себе, казалось, наплевав на двух странных букашек, упрямо прущих на своих двоих вперед. Чихъ вел вперед даже не тропками. Старик упорно шел в такие заросли, где пройти казалось совершенно невозможным. Но они двигались вперед с завидной скоростью. Игла в «искателе» не крутилась, твердо показывая только вперед.

Чихъ поднял руку, Освальд остановился. Старик повернулся, приложил палец к губам, присел. Пришлось следовать его примеру. Как перед ними и чуть сверху оказались несколько широченных и плотных листов какого-то местного лопуха, ростом по пояс Освальду, он и не заметил. Чихъ ткнул пальцем вперед.

Освальд потянул за ремень арбалет. Сухая и теплая ладонь старика остановила его. Он непонимающе уставился на него, впереди еле слышно хрустнуло. Освальд повернул голову к шуму, замер, заметив пошевелившийся куст. Через листья еле заметно мелькнула рыжая шерсть.

На открытую поляну выбралось странное существо, боль-

ше всего похожее на огромную крысу с маленькими ушами и без хвоста. Село, блеснув глазами, потянуло носом, внюхиваясь. Еле слышно свистнуло и переваливаясь побежало к соседней заросли. Следом, юрко покатались шесть маленьких рыженьких клубков. Второе большое животное появилось тут же, так же потешно, как и первый рыжик, покрутило пяточком, розовым и гладким, скрылось в зелени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.